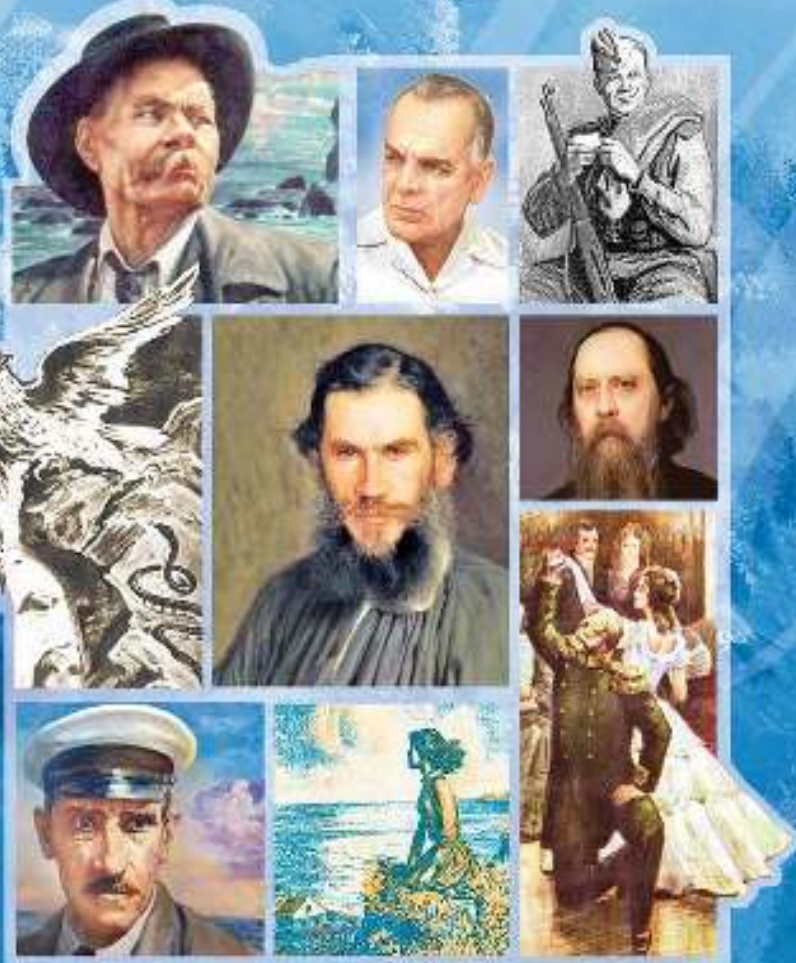

С. Н. Захарова, Л. К. Петровская

Русская литература 7

Часть 2

С. Н. Захарова, Л. К. Петровская

Русская литература

Учебное пособие для **7** класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

Под редакцией С. Н. Захаровой

В двух частях

Часть 2

*Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь*

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2017

Правообладатель Национальный институт образования

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)
ББК 83.3(2Рос=Рос)я721
З-38

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы филологического факультета Белорусского государственного университета *А. Н. Андреев*;

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории государственного учреждения образования «Гимназия № 24 г. Минска» *Т. Ю. Пантелева*;

кафедра русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (кандидат филологических наук, доцент *И. И. Шпаковский*);

учитель русского языка и литературы квалификационной категории «учитель-методист» государственного учреждения образования «Гимназия № 1 имени Ф. Скорины г. Минска» *Л. А. Кушнерёва*

Условные обозначения:

— определение новых терминов и понятий;

— задание для самостоятельной работы по выбору учащихся;

— задания для самостоятельной работы, в том числе групповой и коллективной;

— справочная информация об авторе и/или произведении;

— задание из электронного ресурса, размещённого на Национальном образовательном портале (<http://e-vedy.adu.by>)

ISBN 978-985-559-954-9 (ч. 2)
ISBN 978-985-559-786-6

© Захарова С. Н., Петровская Л. К., 2017
© Оформление. НМУ «Национальный институт образования», 2017

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

**Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН**

1826—1889

Его смех горек и пронзителен... его запальчивость¹ часто принимает форму карикатуры...

И. С. Тургенев

ОДИН ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ РУССКОЙ САТИРЫ

Последователем Н. В. Гоголя в русской литературе второй половины XIX века стал М. Е. Салтыков-Щедрин. О своём детстве писатель вспоминал: «Семья была дикая... отношения между членами её отличались какой-то зверской жестокостью...

¹*Запáльчивость* — раздражительность, переходящая в гнев.

В семействе нашем царствовала не то чтобы скупость, а какое-то упорное скопидомство¹...»

Учился Михаил Салтыков (Щедрин — литературный псевдоним) в Московском дворянском институте, а затем в числе лучших его учеников был переведён в Царскосельский лицей. Михаил Салтыков был признан на курсе «продолжателем» Пушкина, писал стихи и даже печатал их в столичных журналах.

Поступив после лицея на службу в Военное министерство, Салтыков-Щедрин не перестал заниматься литературой. Первые его опубликованные повести, в которых звучала злая ирония над существующими порядками, вызвали такой гнев высшего начальства, что молодого чиновника сослали в город Вятку. В провинции писатель ещё ближе познакомился с произволом и взяточничеством чиновников, жестокостью помещиков и рабским положением народа.

По возвращении из ссылки Салтыков-Щедрин стал вице-губернатором в Рязани, а затем и в Твери. Но это был удивительный вице-губернатор: он наказывал взяточников, гнал от себя льстецов и заступался за мужиков. Это было неслыханно.

В 1868 году Салтыков-Щедрин оставил службу и полностью посвятил себя литературе, стал правдивым и безжалостным летописцем своего времени. В своих произведениях, например в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», написанной в 1869 году, автор прибегнул к самым невероятным, карикатурным преувеличениям, которые называются *гротеском*. Злая сатира Салтыкова-Щедрина была рождена любовью писателя

¹Скопидомство — доведённая до крайности скупость.

к своей стране и болью за все несовершенства современного ему общества. Он сам признавался: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России...»

1. Какие факты из биографии объединяют Салтыкова-Щедрина и Пушкина?
2. Объясните, в чём творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина перекликается с «Ревизором» Н. В. Гоголя.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят:

Ил. Кукрыниксов

оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! Да что ж это такое?! Где мы?! — воскликнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось всё то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слёзы. — Ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдёте направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии² и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошёл один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришёл генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашёл генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи, еды-то, еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

¹*Школа военных кантонистов* — низшая военная школа для солдатских детей.

²*Каллиграфия* — искусство красивого и чёткого письма.

— Да вот нашёл старый номер «Московских ведомостей»¹ и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днём плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища в первоначальном виде летает, плавает и на деревьях растёт? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, я и до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала её изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как всё это сделать?

— Как всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями² и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали,

¹ «Москóвские вéдомости» — газета, издававшаяся в 1756—1917 годах. М. Е. Салтыков-Щедрин издевается над её бессодержательностью и казённой восторженностью.

² Пíкули — мелкие маринованные овощи.

из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила!¹ — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда?! Кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл?!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство; но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

¹Устаревшее восклицание, произносимое суеверными людьми в момент испуга или сильного удивления.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, ещё производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чём ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это ещё более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву¹ на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»², и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, господи! Да неужто ж ваше превосходительство не может найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре

¹ *Рандеву́* (франц.) — свидание.

² «Шекснiнска стeрлядь золотaя» — цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Приглашение к обеду».

был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль¹. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая²...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв в свою очередь газету, прочёл:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожил изобрёл следующий оригинальный способ приготовления уха: взяв живого налима, предварительно его высесть; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Всё, на что бы они ни обратили взоры, всё свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

¹*Фестиваль* — здесь: пиршество.

²*Прихотливый* — причудливый, затейливый.

— Гм... мужика... Но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили, как встрёпанные, и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навёл их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него. — Небось и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! Сейчас марш работать!

Ил. А. М. Каневского

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потёр их друг

об дружку — и извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развёл огонь и напёк столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадёшь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твоё усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде верёвочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру верёвка была готова. Этою верёвкой генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг, а сами легли спать.

Прошёл день, прошёл другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы весёлые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всём готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение¹, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

¹*Вавилонское столпотворение* — по библейской легенде, жители древнего Вавилона пытались построить башню высотой до неба; в наказание за дерзкую попытку Бог «смешал» их языки, и строители перестали понимать друг друга.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! Всё сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! А всё, знаете, как-то неловко барашку без ярочки¹! Да и мундира тоже жалко!

— Ещё как жалко-то! Особливо как четвёртого класса, так на одно шитьё посмотреть, голова закружится²!

¹ Ярочка — молодая овца.

² Чины делились на 14 классов. Высшим был I класс. Чин IV класса в гражданской службе — действительный статский советник. Мундиры чиновников первых классов были украшены золотым шитьём.

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! Оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящичке на верёвке, и стену краской мажет или по крыше, словно муха, ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунейдца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью¹.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунейдство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов селёдками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да весёлые!

¹Ладья́ (устар.) — лодка, парусное судно.

Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1. Можно ли считать «Повесть...» сказкой? Что вам показалось в ней неправдоподобным, сказочным? Выпишите из текста слова, выражения, характерные для народных сказок. Как переосмыслил их автор, где и с какой целью использовал?

2. Почему автор в сказке употребляет такие слова: «упразднили», «за ненадобностью», «примите уверения», «почтение»? Что достигается благодаря введению таких слов в текст сказки? Почему в ней много собственных названий?

3. Прочитайте внимательно диалоги генералов, их рассуждения о жизни. Как они характеризуют их? Что можно сказать о генералах по их поступкам (до встречи с мужиком)? Как используются для их высмеивания гиперболы и гротеск? Как в зависимости от обстоятельств у генералов меняется отношение к мужику? С помощью каких слов, обращений, интонаций автор помогает вам это заметить?

4. Найдите толкование слов «туняедец», «туняежество». С какой целью они употреблены в произведении?

5. Как мужик спас генералов на необитаемом острове и потом доставил домой? Сказочным ли способом? В чём смысл противопоставления мужика генералам? Как сам мужик относится к себе и своему положению? Смешно ли читать об этом? Одинаково ли смеётся писатель над генералами и мужиком?

6. Рассмотрите иллюстрации к сказке, размещённые в тексте и на форзаце 1. Какими на них изображены мужик и генералы? Помогают ли они лучше понять сатиру Салтыкова-Щедрина?

Приёмы сатирического изображения

Приёмы сатирического изображения, используемые писателями, разнообразны.

Ирония — сатирический приём, в котором истинный смысл слов скрыт или противоречит (противопоставлен) явному.

В «Повести...» Салтыкова-Щедрина ирония употребляется очень часто: «...и так как оба были легкомысленны, то в скором времени... очутились на необитаемом острове»; «как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались!» и др.

Аллегория — иносказание; выражение, маскирующее настоящий смысл.

Щедрин часто пользовался иносказанием, рассматривая его не только как художественный приём, но и как способ ввести в заблуждение цензуру. Писатель ввёл в широкое употребление термин «эзопов язык».

Гротеск — карикатурное, фантастическое преувеличение.

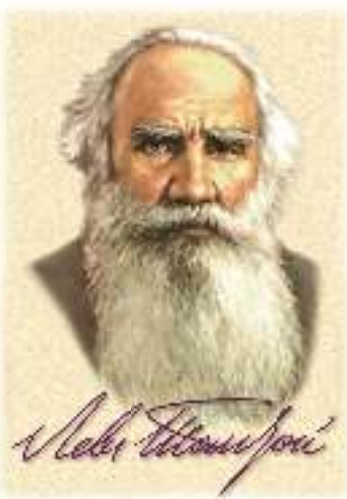
В «Повести...» Салтыков-Щедрин также широко использует *гротеск*: изголодавшиеся генералы набрасываются друг на друга; мужик варит кашу в пригоршне, сплёл сам из своих волос верёвку, которой генералы привязывали мужика, чтобы не убежал с необитаемого острова и т. д.

1. Выпишите из текста «Повести...» Салтыкова-Щедрина как можно больше примеров, иллюстрирующих понятия: 1-я группа — ирония, 2-я группа — гротеск, 3-я группа — аллегория.

2. Найдите определение термина «эзопов язык». Можно ли утверждать, что «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил» написана «эзоповым языком»? Докажите.

**Лев Николаевич
ТОЛСТОЙ**

1828—1910

Я был бы несчастливейшим из людей, ежели бы я не нашёл цели для моей жизни — цели общей и полезной...

Л. Н. Толстой

ТОЛСТОЙ — ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

В России немного было писателей, кому судьба подарила такую долгую творческую жизнь, какую прожил Лев Николаевич Толстой. В ранние годы он был современником Пушкина, а став писателем, утвердил и развил его традиции. В начале XX века он познакомился с молодым Горьким... Толстой как бы соединил своим творчеством два века.

Прожив более восьмидесяти лет, он явился свидетелем и участником многих важных событий. В его произведениях запечатлена русская жизнь за весь XIX век.

Но ведь Толстой был не только писателем, но и артиллерийским офицером, и путешественником, и сельским хозяином, и педагогом. Он выступал защитником в суде, издавал журнал «Ясная Поляна», организовывал помощь голодающим крестьянам, участвовал в движении борцов за мир, говоря о себе: «Я чувствую себя гражданином».

«Толстой — это целый мир», — писал Горький, призывая читателей почаще обращаться к книгам великого писателя. По его словам, Толстой рассказал читателям о русской жизни почти столько же, сколько вся остальная литература XIX века.

В центр всех произведений Толстого поставлен человек с его духовными исканиями, желанием найти своё место в жизни, служить людям. Обращаясь к событиям своего времени, Толстой стремился запечатлеть в них не только преходящее¹, но и вечное, то, что оставляет глубокий след в памяти людей. Среди основных мотивов творчества Толстого выделяется тема *выбора* человеком жизненного пути, совершенствования себя как личности.

По К. Н. Ломунову

1. Вспомните, какие произведения Л. Н. Толстого вы читали ранее. Что они рассказали вам о жизни ваших ровесников и их окружения в XIX веке?
2. Прокомментируйте мысль Горького о том, что в творчестве Толстого соединились вечное и временное? Что это означает?

¹*Преходящий* — временный.

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у неё уже дочери замужем... Это была Б..., да, Варенька Б... — Иван Васильевич

назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец¹ лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё

¹*Иноходец* — лошадь, которая бежит иноходью: сначала выносит обе правые, затем — обе левые ноги.

дагерротипный¹ портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского предводителя, добродушно-го старичка, богача-хлебосола и камергера². Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом³ платье, в брильянтовой фероньерке⁴ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны⁵. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами⁶, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что

¹ *Дагерротипный* — от *дагерротип* — старинная фотография, выполненная на металлической пластинке.

² *Камергёр* — придворный чин высокого ранга.

³ *Пюсовый* (устар.) — тёмно-коричневый.

⁴ *Фероньерка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

⁵ *Елизавета* (старинное произношение *Елисавета*) *Петровна* (1709—1761) — российская императрица.

⁶ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества¹, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»². И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела... <...>

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видел, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце

¹ *Качество* — здесь: игра. Двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. д.) — каждый своё. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

² Ещё (франц.).

бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадриль моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами¹, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

¹Эполеты — парадные офицерские погоны.

— Уговорите, *ma chere*¹, отца пройтись с вами. Ну пожалуйста, Пётр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, *a la Nicolas I*² подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложён он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи³, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг зала. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно вовремя укорачивая

¹Моя милая (франц.).

²Как у Николая I (франц.).

³*Портупе́я* — ременная перевязь, перекинута через плечо, для ношения оружия.

Ил. И. И. Пчелко

или удлинняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками¹, — хорошие опойковые² сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблучков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и,

¹ *Штри́пка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

² *Опо́йковый* — сделанный из *опо́йка* — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда сажались в карету и я подсаживал её мать и потом

её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «Гордость? Да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя, и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица со спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

¹ *Кандидатский экзамен* — здесь: экзамен на степень кандидата, присуждавшуюся выпускникам университета.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт¹. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые² с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцеви́тыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками³ извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я

¹*Девический институт* — институт благородных девиц: закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

²*Ломовые* — извозчики, занимавшиеся перевозкой тяжестей.

³*Рогожка* — грубая плетёная ткань.

и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и, не переставая, повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, со своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем

поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутен¹! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он

¹*Шпицрутены* — прутья или палки, которыми били наказываемых.

не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас.

— Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.
Ясная Поляна. 20 августа 1903 года

1. В чём особенности композиции рассказа? Почему автор не сам рассказывает эту историю, а передаёт повествование Ивану Васильевичу? Почему в рассказе, помимо главных событий (бала и наказания солдата), есть ещё «обрамление», т. е. части, которые непосредственно не связаны с сюжетом, а представляют собой беседу уже пожилого Ивана Васильевича с молодёжью? О чём эта беседа? Почему рассказ, большая часть которого посвящена описанию бала и любви Ивана Васильевича к Вареньке, назван «После бала»?
2. Определите, какими средствами автор передаёт контрастность следующих сцен:

Первая часть	Вторая часть
Зала у предводителя	Утренняя улица, площадь
Хозяева бала, гости	Прохожие, солдаты
Варенька	Наказываемый солдат
Полковник на балу	Полковник перед строем солдат
Иван Васильевич	Иван Васильевич

Выпишите эпитеты, которыми характеризуются герои, их действия и настроения в сцене бала, а затем — во второй части рассказа. В чём их различие? Какие цвета преобладают в первой и во второй частях?

Почему в первой части писатель широко использует определения, а во второй — глаголы и глагольные формы?

Сопоставьте «звуковое оформление» обеих частей. С какой целью автор строит рассказ на основе противопоставления (антитезы)?

3. Как вы объясните восторженное, приподнятое настроение Ивана Васильевича на балу? Почему вы верите в искренность прекрасной, возвышенной его любви к Вареньке? Какое чувство испытывает он в сцене наказания солдата? Как это его характеризует?
4. Сравните, какие чувства вызывает отец Вареньки на балу и на площади, хотя автор в обеих сценах характеризует его одинаково: «высокая статная фигура». Какие детали портрета и поведения полковника помогают понять привычность и будничность творимой им жестокости? Как вы считаете, где — на балу или на площади — он проявил своё истинное лицо? Есть ли объяснение его контрастному поведению?
5. Сравните, каким изображён отец Вареньки на иллюстрациях, размещённых в тексте и на форзаце 1. Подберите из рассказа соответствующие фрагменты, где даётся характеристика полковника. Удалось ли художнику передать замысел писателя?
6. Как изменилась жизнь Ивана Васильевича после этого случая? Почему его «любовь пошла на убыль»? Почему он отказался вообще от государственной службы? Как, по вашему мнению, сложилась его судьба? Почему он не считал свою

жизнь «счастливо прожитой»? А как её оценили его молодые собеседники?

7. Составьте устную характеристику Ивана Васильевича (происхождение, образ жизни, привязанности, характер). Определите своё отношение к нему и отношение автора. Совпадают ли убеждения автора и рассказчика?
8. Кто, по-вашему, прав в споре? Что является решающим в выборе жизненного пути: случай, как утверждал Иван Васильевич, или среда, как считают спорящие с ним молодые люди? А как думает сам автор? Какова идея рассказа?

9. В ресурсе «Л. Н. Толстой. После бала» найдите и рассмотрите иллюстрации к рассказу. Какие моменты отражены в иллюстрациях художников? Почему выбраны именно эти эпизоды? Как в иллюстрациях отразилась главная мысль рассказа?

10. Выполните задание «Итоговый контроль. Тест. Л. Н. Толстой. После бала».

Развитие понятия о композиции. Антитеза в произведении

Рассказ Толстого «После бала» не богат событиями, написан спокойным тоном, без обличительных интонаций, но вызывает потрясение после прочтения. Такое впечатление создаётся особой *композицией* рассказа. В нём две смысловые части — бал и наказание солдата, но они резко противоположны по содержанию, настроению и художественному оформлению. Именно этот контраст (антитеза) помог автору передать и объяснить то огромное внутреннее потрясение, которое пережил молодой человек — свидетель и участник обеих сцен.

Антитеза — художественное противопоставление характеров, обстоятельств, понятий, создающее впечатление резкого контраста.

Большой трагедией для него оказалось то, что в мире рядом существуют красота, нежность, чуткость, доброта, любовь и жестокость, равнодушие, боль, страдания. Причём противоположные качества могут проявлять одни и те же люди. Это потрясение вызвало изменения в душе героя (*внутренний конфликт*), сделало невозможными какие-либо компромиссы героя с обществом.

Важной особенностью композиции рассказа «После бала» является наличие рассказчика. Позиции автора и рассказчика в произведении порой могут отличаться. В рассказе Толстого взгляды *автора* и *рассказчика* на изображённые события в основном совпадают, и это усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Антитеза в рассказе помогла Толстому показать противоречия современной ему действительности, заставить задуматься каждого о своей причастности ко всему, что происходит в обществе, о необходимости правильного выбора жизненного пути.

1. Выпишите из рассказа «После бала» Л. Н. Толстого разные примеры антитезы (образ человека, качества, звук, цвет и т. д.).

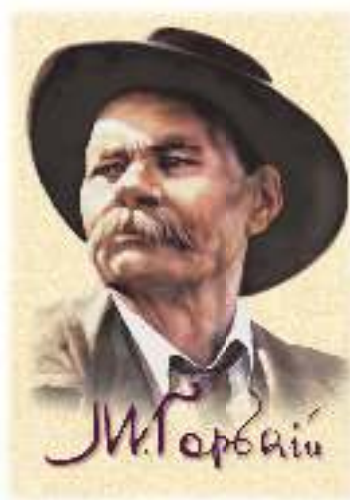
2. В пословицах и поговорках часто используется антитеза как приём, создающий «стержень» этого жанра. вспомните не менее трёх поговорок, докажите, что в них присутствует антитеза.

Максим ГОРЬКИЙ

1868—1936

Силою, которая всю жизнь держала и держит меня на земле, была и есть вера в разум человека.

Максим Горький

С МЕЧТОЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

Максим Горький не был понятен окружающему его корыстному и жестокому миру. Он верил в возможность другой, осмысленной жизни, в которой выше всего ценится человек, его разум и достоинство. Эту веру в человека поддерживали книги. Рано пристрастившись к чтению, Алёша Пешков открывал через них сокровища мысли и разума человека. Книги рассказывали ему о другой жизни — «жизни больших чувств и желаний». Произведения русских писателей, проникнутые великой радостью познания человека, помогали ему постигать «труднейшее искусство любви к людям». «Они указывали мне, — вспоминал позже Горький, — моё место в жизни, говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много он сделал на земле и каких невероятных страданий стоило это ему». Они обострили его внимание к человеку, роднили его с миром,

убеждали, что в своей тревоге за жизнь и людей он не один на земле.

Став писателем, Горький звал читателей к активной, яркой жизни, рисовал в своих рассказах людей гордых, красивых, свободолюбивых, отстаивающих своё человеческое достоинство. «Человек — самое дорогое... Смысл жизни — в развитии всех духовных сил и способностей наших». Оставаясь строгим реалистом в своём творчестве, он рассказывал о жизни бодро, энергично, возвышенно.

1. Какие идеалы отстаивал в своих произведениях Максим Горький? Почему его называют гуманистом?

2. Узнайте о происхождении литературного псевдонима писателя. Объясните, почему из многих вариантов он остановился именно на таком — «Максим Горький».

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море — огромное, лениво вздыхающее у берега — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звёзд. Кажется, что небо всё ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чём шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом¹, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые

¹Норд-ост — северо-восточный ветер.

контуры их округлились, одетые тёплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленеватые гребни волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за огромными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-оглы, старый крымский чабан¹, высокий, седой, сожжённый южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращён к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращённой к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется прозрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру.

¹ Чабан — пастух.

Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный Богу человек идёт в рай. А который не служит Богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... Кто знает?

Тёмное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нём появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льёт свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю... — это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

¹*Речитатив* — напевная речь.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твёрдый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... Тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: “Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...”

Но Сокол смелый вдруг встrepенулся, привстал немного и по ущелью повёл очами...

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

Ил. И. М. Тоидзе

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: “Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..”

И предложил он свободной птице: “А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживёшь ты ещё немного в своей стихии”.

И дрогнул Сокол, и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным рёвом о камень бились... И тупа птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лёжа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прыгнул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

— Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землёй живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

“Безумству храбрых поём мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни!
О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью...
Но будет время — и капли крови твоей горячей, как

искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!..»

...Молчит опаловая¹ даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде всё больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползёт к голове Рагима.

— Куда идёшь?.. Пшла! — машет на неё Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Всё кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, ещё не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы.

По тёмно-синему небу золотым узором звёзд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Всё дремлет, но дремлет напряжённо чутко, и кажется, что вот в следующую секунду всё встрепенётся и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонёк, и увлекут с собой душу высоко

¹Опáловая — молочно-белая с желтизной или голубишной, цвета опáла.

в тёмно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звёзд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

1895—1899

1. В чём необычность композиции произведения? Встречались ли вы с такой композицией ранее? Какую роль здесь играет «обрамление»? Как оно связано с основным содержанием «Песни...»? Для чего нужны фигуры рассказчика (автора) и старого чабана Рагима?

2. Каким пейзажем открывается рассказ? Как воспринимает природу рассказчик? На что настраивает такое «обрамление» читателя? Сравните пейзаж, завершающий произведение, с той картиной природы, которой оно начинается. Почему рассказчик по-новому увидел море и небо? Какой новый мотив появляется в описании природы? Почему?

3. Почему основное содержание «Песни...» передано в двух частях? В чём они противопоставлены?

4. Определите, какую смысловую нагрузку несли образы Сокола и Ужа в фольклоре. Каких людей обычно олицетворяют Сокол и Уж? Такими ли нарисованы они в «Песне...»?

5. В чём видит Сокол смысл и счастье жизни? Каким афоризмом автор выражает своё отношение к нему? Какую жизненную правду утверждает Уж? В чём он видит смысл жизни? Как пытается понять Уж правду Сокола и почему она ему недоступна? Каким афоризмом характеризует его автор?

6. Выпишите глаголы, характеризующие действия Сокола и Ужа, в той последовательности, в которой их употребляет автор. Как с их помощью передаётся читателю то эмоциональное напряжение, которое усиливается по мере стремления раненой птицы в последний раз ощутить радость

свободы? Каким предстаёт в этой характеристике Уж?

7. Вспомните, что такое аллитерация. Как использует её Горький, например, в отрывке о последних минутах жизни Сокола (от слов «И дрогнул Сокол...» до слов «...в морском пространстве»)? Что вы «услышали», читая эти строки? Какое настроение они создают?
8. Почему свою сказку Рагим назвал песней? Как создаётся её напевность? Попробуйте определить её размер и ритм. Изменяется ли он в повествовании о Соколе и об Уже?
9. Какой афоризм Горького, на ваш взгляд, наиболее ярко выражает поэтическую идею «Песни...»? Почему произведение, в котором большее место отведено Ужу, названо «Песней о Соколе»? Какие общечеловеческие ценности воплощены в образе Сокола? Как, по-вашему, в этом произведении отразилось мироощущение писателя?

Романтическое произведение. Образ-символ

Романтизм — направление в искусстве, проникнутое оптимизмом и стремлением показать в ярких образах высокое предназначение человека.

Исключительность ситуации и изображённых героев присутствует в произведении Горького «Песня о Соколе». В «обрамлении» — ночной пейзаж, морской берег, костёр, мудрый старик-рассказчик — писателем воспроизведены элементы романтической обстановки. Центр рассказа составляет сказка, в которой аллегорические образы (иносказание) превращаются в *символы*. Сокол утверждает героическое поведение как норму жизни, поэтому он вос-

принимается как символ служения высшим целям. Противопоставленный ему Уж тоже имеет свою жизненную позицию, также является символом. Но уже символом самодовольства, приземлённого существования, презирающего взлёты духа.

Таким образом, особенностью романтического произведения являются *образы-символы*, несущие обобщение философского характера, своеобразную программу построения жизни.

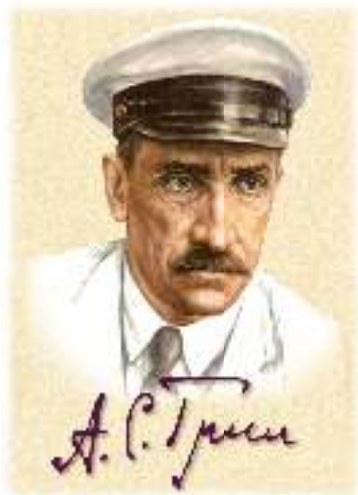
1. Выпишите из статьи особенности романтического произведения.
2. Объясните другу, что такое символ. Приведите примеры символов из других произведений.

Александр Степанович ГРИН

1880—1932

Когда дни начинают пылиться и краски блёкнуть, я беру Грина. Я раскрываю его на любой странице. Так весной протирают окна в доме. Всё становится светлым, ярким, всё снова таинственно волнует, как в детстве.

Д. А. Гранин

РЫЦАРЬ МЕЧТЫ

С первых шагов Грина в литературе вокруг его имени стали складываться легенды. Уверяли, например, что Грин — отличнейший стрелок из лука, в молодости он добывал себе пищу охотой и жил в лесу...

Годы детства и юности будущего писателя прошли в Вятке. Отец рассчитывал, что из его старшего сына — в нём учителя видели завидные способности! — выйдет непременно инженер или доктор... Однако летом 1896 года, тотчас же после окончания городского училища, Грин уехал в Одессу, захватив с собой лишь ивовую корзинку со сменой белья и акварельные краски, полагая, что рисовать он будет «где-нибудь в Индии, на берегах Ганга...». Мечтой юноши было море.

...Грин плавал матросом совсем недолго... в заграничном порту был единственный раз. После первого или второго рейса его обычно списывали. Чаще всего за непокорный нрав.

Грин, объясняя происхождение своего псевдонима, говорил, что так коротко окликали его ребята в школе.

По В. В. Вихрову. «Рыцарь мечты»

1. Существует точка зрения о том, что в героях своих произведений писатели обычно отражают самих себя. Исходя из материалов статьи, предположите, какими качествами могут обладать герои Грина.

А. С. Грин создал в своих произведениях и достаточно подробно описал особый вымышленный мир, но не дал ему никакого названия. «Гринландия» появилась уже после смерти писателя, когда в предисловии к его сборнику «Фантастические новеллы» критик К. А. Зелинский впервые использует это слово.

«Алые паруса» Грин начинает писать в 1920 году в послереволюционном Петрограде среди голода, холода, нищеты, всеобщей озлобленности.

Из-под пера писателя появилось удивительно светлое и жизнеутверждающее произведение, которое он назвал феерией, что значит сказочная, волшебная пьеса.

АЛЫЕ ПАРУСА

ФЕЕРИЯ

(В сокращении)

I. Предсказание

Лонгрэн, матрос «Ориона», крепкого трёхсоттонного брига¹, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был, наконец, покинуть службу.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой, он не увидел, как всегда ещё издали, на пороге дома свою жену Мери, всплёскивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё у детской кровати — нового предмета в маленьком доме Лонгрэна — стояла взволнованная соседка.

— Три месяца я ходила за нею, старик, — сказала она, — посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрэн наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя.

— Когда умерла Мери? — спросил он.

Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умильным гульканием девочке и

¹Бриг — морское двухмачтовое парусное судно.

уверениями, что Мери в раю. Когда Лонгрен узнал подробности, рай показался ему немного светлее дровяного сарая, и он подумал, что огонь простой лампы — будь теперь они все вместе, втроём — был бы для ушедшей в неведомую страну женщины незаменимой отрадой.

Месяца три назад хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, оставленных Лонгреном, добрая половина ушла на лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорожденной; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни суммы заставила Мери попросить в долг денег у Меннерса. Меннерс держал трактир, лавку и считался состоятельным человеком.

Мери пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила её на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная Мери сказала, что идёт в город заложить обручальное кольцо. Она прибавила, что Меннерс соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мери ничего не добилась.

— У нас в доме нет даже крошки съестного, — сказала она соседке. — Я схожу в город, и мы с девочкой переберёмся как-нибудь до возвращения мужа.

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мери, накрапывает дождь, а ветер, того и гляди, принесёт ливень».

Взад и вперёд от приморской деревни в город составляло не менее трёх часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы. «Довольно мне колоть вам глаза, — сказала она, — и так уж нет почти ни одной семьи, где я не взяла

бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и кончено». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду; непогода и вечерняя изморось сразили её двусторонним воспалением лёгких, как сказал городской врач, вызванный добросердной рассказчицей. Через неделю на двухспальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было нетрудно. «К тому же, — прибавила она, — без такого несмышлёныша скучно».

Лонгрэн поехал в город, взял расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую Ассоль. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса, заменяя сиротке мать, но лишь только Ассоль перестала падать, заносая ножку через порог, Лонгрэн решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что, в силу характера работы, отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрэн добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал ещё замкнутее и нелюдимее. По

праздникам его иногда видели в трактире, но он никогда не присаживался, а торопливо выпивал за стойкой стакан водки и уходил, коротко бросая по сторонам «да», «нет», «здравствуйте», «прощай», «помаленьку» — на все обращения и кивки соседей. Гостей он не выносил, тихо спроваживая их не силой, но такими намёками и вымысленными обстоятельствами, что посетителю не оставалось ничего иного, как выдумать причину, не позволяющую сидеть дольше.

[Ассоль исполнилось пять лет. Ранней весной того года Меннерс забыл вывести лодку на песок, а затем попытался сделать это во время шторма, но не смог справиться с волнами — его стало уносить в море. Лонгрен наблюдал с причала, как Меннерс погибает, не помог трактирщику, хотя тот умолял о помощи, наоборот, напомнил, как погибла Мери.]

Молча, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрен стоял; стоял неподвижно, строго и тихо, как судья, выказав глубокое презрение к Меннерсу, — большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он кричал, выражая жестами или суетливостью злорадство или ещё чем иным своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его, но он поступил иначе, чем поступали они, — поступил внушительно, непонятно и этим поставил

Ил. А. А. Аринушкина

Ил. А. А. Аринушкина

себя выше других, словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал узнающего, здоровающегося взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, завидев его, кричали вдогонку: «Лонгрен утопил Меннерса!» Он не обращал на это внимания. Так же, казалось, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки умолкали в его присутствии, отходя в сторону, как от зачумленного. Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную ненависть, тень которой пала и на Ассоль.

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз и навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось это, разумеется, постепенно, путём внушения и окриков взрослых приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса. <...>

Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями общественного мнения; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца: «Скажи, почему нас не любят?» — «Э, Ассоль, — говорил Лонгрэн, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут». — «Как это — уметь?» — «А вот так!» Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было по вечерам или в праздник, когда отец, оставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах, — забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. <...>

Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец научил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным

ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрен отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё: Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала для паруса, употребив что было — лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу её на воду поплавать немного, — размышляла Ассоль, — она ведь не промокнет, я её потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде; свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. «Ты откуда приехал, капитан? — важно спросила Ассоль ображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: — Я приехал... приехал... приехал я из Китая. — А что ты привёз? — Что привёз, о том не скажу. — Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в корзину». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов

показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался девочке огромной рекой, а яхта — далёким, большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан испугался», — подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь прибьёт к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзинку, Ассоль твердила: «Ах, господи! Ведь случись же...» — она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суетилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись, в более широких местах, осоковые и тростниковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из виду алое сверкание парусов, но, обежав излучину¹ течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам

¹ *Излучина* — крутой поворот, изгиб.

дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и, несколько раз выпустив глубокое «ф-ф-у-у», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал во встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней сидит человек, держа в руках сбегавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Но перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль, известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком —

выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядывавшие из бурно разросшейся лучистой бороды и пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось бы вяло-прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса, глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был оваян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полураскрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, поглядывая то на девочку, то на яхту. — Это что-то особенное. Слушай-ка ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я, в качестве берегового пирата, могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом —

между моей левой пяткой и окончечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблескивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины; что бы я стал делать, называйся ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имен, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала — ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смутилась: её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное приключение с яхтой, непонятная речь старика со сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь — девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт¹.

— Тебе нечего бояться меня, — серьёзно сказал он. — Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душе. — Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — было сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь; словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как невымытые ноги, грубые, как урчание

¹ *Вольт* — плавный крутой поворот (от франц. *volte*).

в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

Подумав, он продолжал так:

— Не знаю, сколько пройдёт лет, — только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывёт от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, что только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка. Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе. — Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... Что говорить? — это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она и не совсем твёрдо прибавила: — если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрэн работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

— Ну, вот... — сказала она, силясь овладеть дыханием, и ухватила обеими руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник...

Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и — в обратном порядке — погоня за упущенной яхтой.

[Лонгрэн выслушал рассказ Ассоль о встрече с Эглем, согласившись с ней, что предсказание когда-нибудь исполнится. Девочка заснула на руках у отца, а сидевший под забором нищий, не получив от Лонгрена табака, рассказал в трактире рыбакам о предсказании.]

— Кто? Что? О чём толкует? — слышались любопытные голоса женщин. Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрен с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке; вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они ждут — тётки, вам бы не прозевать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздохнув, девочка побежала домой.

II. Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им.

Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величествен снаружи. К переднему фасаду примыкали цветник и часть парка. Лучшие сорта тюльпанов — серебристо-голубых, фиолетовых и чёрных с розовой тенью — извивались в газоне линиями прихотливо брошенных ожерелий. Старые деревья парка дремали в рассеянном полусвете над осокой извилистого ручья. Ограда замка, так как это был настоящий замок, состояла из

витых чугунных столбов, соединённых железным узором. Каждый столб оканчивался наверху пышной чугунной лилией; эти чаши по торжественным дням наполнялись маслом, пылая в ночном мраке обширным огненным строем.

Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — начиналась маленьким Грэем, обречённым по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость... мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения, намечался в Грэе ещё тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, то есть попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлечённый своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

— Зачем ты испортил картину?

— Я не испортил.

— Это работа знаменитого художника.

— Мне всё равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неутомимо изучал замок, делая поразительные открытия. Так, на чердаке он нашёл стальной рыцарский хлам, книги, переплетённые в железо и кожу, истлевшие одежды и полчища голубей. В погребе, где хранилось вино, он получил интересные сведения относительно лафита, мадеры, хереса.

[Погребщик Польдишок рассказал Грэю семейную легенду о бочках с вином.]

— Эти бочки привёз в 1793 году твой предок, Джон Грэй, из Лиссабона, на корабле «Бигль»; за вино было уплачено две тысячи золотых пиастров. Надпись на бочках сделана оружейным мастером Вениамином Эльяном из Пондишери. Бочки погружены в грунт на шесть футов и засыпаны золой из виноградных стеблей. Этого вина никто не пил, не пробовал и не будет пробовать.

— Я выпью его, — сказал однажды Грэй, топнув ногой.

— Вот храбрый молодой человек! — заметил Польдишок. — Ты выпьешь его в рай?

— Конечно. Вот рай!.. Он у меня, видишь? — Грэй тихо засмеялся, раскрыв свою маленькую руку. Нежная, но твёрдых очертаний ладонь озарилась солнцем, и мальчик сжал пальцы в кулак. — Вот он, здесь!.. То тут, то опять нет...

[Одним из любимых мест в доме для Грэя была кухня, в которую, впрочем, ему было запрещено ходить.]

На кухне Грэй немного робел: ему казалось, что здесь всем двигают тёмные силы, власть которых есть главная пружина жизни замка; окрики звучали как команда и заклинание; движения работающих благодаря долгому навыку приобрели ту отчётливую, скупую точность, какая кажется вдохновением. Грэй не был ещё так высок, чтобы взглянуть в самую большую кастрюлю, бурлившую, подобно Везувию, но чувствовал к ней особенное почтение; он с трепетом смотрел, как её ворочают две служанки; на плиту выплёскивалась тогда дымная пена, и пар, поднимаясь с зашумевшей плиты, волнами наполнял кухню. Раз жидкости выплеснулось так много, что она обварила руку одной девушке. Кожа мгновенно покраснела, даже ногти стали красными от прилива крови, и Бетси (так звали служанку), плача, натирала маслом пострадавшие места. Слёзы неудержимо катились по её круглому перепуганному лицу.

Грэй замер. В то время, как другие женщины хлопотали около Бетси, он пережил ощущение острого чужого страдания, которое не мог испытать сам.

— Очень ли тебе больно? — спросил он.

— Попробуй, так узнаешь, — ответила Бетси, накрывая руку передником.

Нахмутив брови, мальчик вскарабкался на табурет, зачерпнул длинной ложкой горячей жижи (сказать кстати, это был суп с бараниной) и плеснул на изгиб кисти. Впечатление оказалось не слабым, но слабость от сильной боли заставила его пошатнуться. Бледный, как мука, Грэй подошёл к Бетси, заложив горящую руку в карман штанишек.

— Мне кажется, что тебе очень больно, — сказал он, умалчивая о своём опыте. — Пойдём, Бетси, к врачу. Пойдём же!

Он усердно тянул её за юбку, в то время как сторонники домашних средств наперерыв давали служанке спасительные рецепты. Но девушка, сильно мучаясь, пошла с Грэем. Врач смягчил боль, наложив перевязку. Лишь после того, как Бетси ушла, мальчик показал свою руку.

Этот незначительный эпизод сделал двадцатилетнюю Бетси и десятилетнего Грэя истинными друзьями. Она набивала его карманы пирожками и яблоками, а он рассказывал ей сказки и другое истории, вычитанные в своих книжках. Однажды он узнал, что Бетси не может выйти замуж за конюха Джима, ибо у них нет денег обзавестись хозяйством. Грэй разбил каминными щипцами свою фарфоровую копилку и вытряхнул оттуда всё, что составляло около ста фунтов. Встав рано, когда бесприданница удалилась на кухню, он пробрался в её комнату и, засунув подарок в сундук девушки, прикрыл его короткой запиской: «Бетси, это твоё. Предводитель шайки разбойников Робин Гуд». Переполох, вызванный на кухне этой историей, принял такие размеры, что Грэй должен был сознаться в подлоге. Он не взял денег назад и не хотел более говорить об этом. <...>

Знатная дама, чьё лицо и фигура, казалось, могли отвечать лишь ледяным молчанием огненным голосам жизни, чья тонкая красота скорее отталкивала, чем привлекала, так как в ней чувствовалось надменное усилие воли, лишённое женственного притяжения, — эта Лилиан Грэй, оставаясь наедине с мальчиком, делалась простой мамой,

говорившей любящим, кротким тоном те самые сердечные пустяки, какие не передашь на бумаге — их сила в чувстве, не в самих них. Она решительно не могла в чём бы то ни было отказать сыну. Она прощала ему всё: пребывание в кухне, отвращение к урокам, непослушание и многочисленные причуды.

Если он не хотел, чтобы подстригали деревья, деревья оставались нетронутыми, если он просил простить или наградить кого-либо, заинтересованное лицо знало, что так и будет; он мог ездить на любой лошади, брать в замок любую собаку; рыться в библиотеке, бегать босиком и есть, что ему вздумается.

Его отец некоторое время боролся с этим, но уступил — не принципу, а желанию жены. Он ограничился удалением из замка всех детей служащих, опасаясь, что благодаря низкому обществу прихоти мальчика превратятся в склонности, трудно искоренимые. В общем, он был всепоглощённо занят бесчисленными фамильными процессами, начало которых терялось в эпохе возникновения бумажных фабрик, а конец — в смерти всех кляузников¹. Кроме того, государственные дела, дела поместий, диктант мемуаров, выезды парадных охот, чтение газет и сложная переписка держали его в некотором внутреннем отдалении от семьи; сына он видел так редко, что иногда забывал, сколько ему лет. <...>

Ему шёл уже двенадцатый год, когда все намёки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов соединились в одном сильном моменте и, тем получив стройное выражение, стали неукротимым желанием. <...>

¹*Кляузник* — сплетник, доносчик.

Это случилось в библиотеке. <...>

Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную картину, сразу содержанием своим наполнившую душное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображён в последнем моменте взлёта. Корабль шёл прямо на зрителя. Высоко поднявшийся бугшприт¹ заслонял основание мачт. Гребень вала, распластаный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта² и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчать судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обречённо боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала всё положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего, собственно, не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряжённость внимания, обращённого к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завёрнутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и чёрная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нём капитана, танцующее положение тела — взмах вала; без шляпы, он был,

¹*Бугшприт* — наклонённая вперёд над носом судна мачта.

²*Бакборт* — правая сторона, правый бок.

видимо, поглощён опасным моментом и кричал — но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галс¹ или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но тени этих мыслей выросли в душе Грэй, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошёл, став рядом, неизвестный, невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Всё это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся: мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчишке постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. <...>

[Артур Грэй решил стать капитаном. В 14 лет он покинул дом, став юнгой на «Ансельме».]

Понемногу он потерял всё, кроме главного — своей странной летящей души; он потерял слабость, став широк костью и крепок мускулами, бледность заменил тёмным загаром, изысканную беспечность движений отдал за уверенную меткость работающей

¹Галс — движение судна относительно ветра.

руки, а в его думающих глазах отразился блеск, как у человека, смотрящего на огонь. И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб.

[За пять лет плавания капитан «Ансельма» Гоп сделал из Грэй настоящего моряка. Артур вернулся домой, в замок, узнал о смерти отца, затем попрощался с командой «Ансельма», решив плавать самостоятельно. Грэй купил «Секрет», на котором плавал 4 года, пока не оказался в Лиссе.]

III. Рассвет

[«Секрет» стоял на рейде возле Лисса, выгружая товары. На двенадцатый день пребывания в этом городе Грэй затосковал. Полный неясных предчувствий, Артур Грэй не мог успокоить себя ни работой, ни чтением книг, под вечер он вместе с матросом Летикой наугад поплыл в море. Оказавшись возле Каперны, Грэй отправил Летику ловить рыбу, а сам задремал. Проснулся на рассвете, с трудом вспомнив, как оказался здесь.]

Летики не было; он увлёкся; он, вспотев, удил с увлечением азартного игрока. Грэй вышел из чащи в кустарник, разбросанный по скату холма. Дымилась и горела трава; влажные цветы выглядели как дети, насильно умытые холодной водой. Зелёный мир дышал бесчисленностью крошечных ртов, мешая проходить Грэю среди своей ликующей тесноты. Капитан выбрался на открытое место, заросшее пёстрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвёл рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвёрнутых

руках утомившаяся Ассоль. Её волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшаяся юбка обнажала колени; ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полузакрытого тёмной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригибался к затылку. <...>

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им только глазами, но тут он иначе увидел её. Всё стонулось, всё усмехнулось в нём. Разумеется, он не знал ни её, ни её имени, ни, тем более, почему она уснула на берегу, но был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; её содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.

Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй всё ещё сидел в той же малоудобной позе. Всё спало на девушке: спали тёмные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости её тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошёл в его тёплую подмивающую волну и уплыл с ней. Давно уже Летика кричал: «Капитан, где вы?» — но капитан не слышал его.

Когда он, наконец, встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздражённой женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное, подобное орфографии. Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка.

Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. Взглянув ещё раз на это отдыхающее лицо, Грэй повернулся и увидел в кустах высоко поднятые брови матроса. Летика, разинув рот, смотрел на занятия Грэя с таким удивлением, с каким, верно, смотрел Иона¹ на пасть своего меблированного кита.

— А, это ты, Летика! — сказал Грэй. — Посмотри-ка на неё. Что, хороша?

— Дивное художественное полотно! — шёпотом закричал матрос, любивший книжные выражения. — В соображении обстоятельств есть нечто располагающее. Я поймал четыре мурены и ещё какую-то толстую, как пузырь.

— Тише, Летика. Уберёмся отсюда. <...>

[Вместе с Летикой Артур Грэй оказался в трактире. Хин Меннерс рассказал о «Корабельной Ассоль», назвав её полумной. Девушку защитил угольщик. Грэй приказал Летике остаться в Каперне, а сам вернулся на корабль.]

IV. Накануне

Накануне того дня и через семь лет после того, как Эгль, собиратель песен, рассказал девочке на берегу моря сказку о корабле с Алыми Парусами, Ассоль в одно из своих еженедельных посещений игрушечной лавки вернулась домой расстроенная, с печальным лицом. Свой товар она принесла обратно. Она была так огорчена, что сразу не могла говорить, и только лишь после того, как по встревоженному лицу Лонгрена увидела, что он ожидает чего-то значительно худшего действительности,

¹Ио́на — библейский пророк, по преданию побывавший в чреве кита и вышедший оттуда невредимым.

начала рассказывать, водя пальцем по стеклу окна, у которого стала, рассеянно наблюдая море. <...>

[Хозяин игрушечной лавки, обычно покупавший игрушки Лонгрена, отказался их брать. В других магазинах их тоже не взяли. Лонгрэн стал думать о возвращении на корабль.]

Ассоль некоторое время стояла в раздумье посреди комнаты, колеблясь между желанием отжаться тихой печали и необходимостью домашних забот; затем, вымыв посуду, пересмотрела в шкафу остатки провизии. Она не взвешивала и не мерила, но видела, что с мукой не дотянуть до конца недели, что в жестянке с сахаром виднеется дно, обёртки с чаем и кофе почти пусты, нет масла, и единственное, на чём, с некоторой досадой на исключение, отдышал глаз, — был мешок картофеля. Затем она вымыла пол и села строчить оборку к переделанной из старья юбке, но тут же, вспомнив, что обрезки материи лежат за зеркалом, подошла к нему и взяла свёрток; потом взглянула на своё отражение.

За ореховой рамой в светлой пустоте отражённой комнаты стояла тоненькая невысокая девушка, одетая в дешёвый белый муслин¹ с розовыми цветочками. На её плечах лежала серая шёлковая косынка. Полудетское, в светлом загаре, лицо было подвижно и выразительно; прекрасные, несколько серьёзные для её возраста глаза посматривали с робкой сосредоточенностью глубоких душ. Её неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно, нашли бы место в

¹*Муслин* — очень тонкая ткань особенного, полотняного переплетения.

множестве женских обликов, но их совокупность — стиль — был совершенно оригинален, оригинально мил; на этом мы остановимся. Остальное не подвластно словам, кроме слова «очарование».

Отражённая девушка улыбнулась так же безотчётно, как и Ассоль. Улыбка вышла грустной; заметив это, она встревожилась, как если бы смотрела на постороннюю. Она прижалась щекой к стеклу, закрыла глаза и тихо погладила зеркало рукой там, где приходилось её отражение. Рой смутных, ласковых мыслей мелькнул в ней; она выпрямилась, засмеялась и села, начав шить.

Пока она шьёт, посмотрим на неё ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль, перемешанные в замечательной прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерившая игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. <...> Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. <...> Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьёзно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для неё счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из её власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всём этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила, улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности; теперь, сдвигая оборку, девушка припоминала свою жизнь. Там было много скуки и простоты. Одиночество вдвоём, случалось, безмерно

тяготило её, но в ней образовалась уже та складка внутренней робости, та страдальческая морщина, с которой не внести и не получить оживления. Над ней посмеивались, говоря: «Она тронутая, не в себе»; она привыкла и к этой боли; девушке случилось даже переносить оскорбления, после чего её грудь ныла, как от удара. Как женщина она была непопулярна в Каперне, однако многие подозревали, хотя дико и смутно, что ей дано больше прочих — лишь на другом языке. Капернцы обожали плотных, тяжёлых женщин с масляной кожей толстых икр и могучих рук; здесь ухаживали, ляпая по спине ладонью и толкаясь, как на базаре. Тип этого чувства напоминал бесхитростную простоту рёва. Ассоль так же подходила к этой решительной среде, как подошло бы людям изысканной нервной жизни общество привидения. <...>

Кончив шить, Ассоль сложила работу на угловой столик, разделась и улеглась. <...> Ей снился любимый сон: цветущие деревья, тоска, очарование, песни и таинственные явления, из которых, проснувшись, она припоминала лишь сверканье синей воды, подступающей от ног к сердцу с холодом и восторгом. Увидев всё это, она побыла ещё несколько времени в невозможной стране, затем проснулась и села.

Сна не было, как если бы она не засыпала совсем. Чувство новизны, радости и желания что-то сделать согревало её. Она осмотрелась тем взглядом, каким оглядывают новое помещение. Проник рассвет — не всей ясностью озарения, но тем смутным усилием, в котором можно понимать окружающее. Низ окна был чёрен; верх просветлел. Извне дома, почти на краю рамы, блестела утренняя звезда.

Зная, что теперь не уснёт, Ассоль оделась, подошла к окну и, сняв крюк, отвела раму. За окном стояла внимательная чуткая тишина; она как бы наступила только сейчас. В синих сумерках мерцали кусты, подальше спали деревья; веяло духотой и землёй.

<...> Взяв старенькую, но на её голове всегда юную шёлковую косынку, она прихватила её рукою под подбородком, заперла дверь и выпорхнула босиком на дорогу. Хотя было пусто и глухо, но ей казалось, что она звучит как оркестр, что её могут услышать. Всё было мило ей, всё радовало её. Тёплая пыль щекотала босые ноги; дышалось ясно и весело. На сумеречном просвете неба темнели крыши и облака; дремали изгороди, шиповник, огороды, сады и нежно видимая дорога. Во всём замечался иной порядок, чем днём, — тот же, но в ускользнувшем ранее соответствии. Всё спало с открытыми глазами, тайно рассматривая проходящую девушку.

[На рассвете Ассоль через луга пришла на берег моря.]

Она села, подобрав ноги, с руками вокруг колен. Внимательно наклоняясь к морю, смотрела она на горизонт большими глазами, в которых не осталось уже ничего взрослого, — глазами ребёнка. Всё, чего она ждала так долго и горячо, делалось там — на краю света. Она видела в стране далёких пучин подводный холм; от поверхности его струились вверх

Ил. А. Л. Дудина

вьющиеся растения; среди их круглых листьев, пронизанных у края стеблем, сияли причудливые цветы. Верхние листья блестели на поверхности океана; тот, кто ничего не знал, как знала Ассоль, видел лишь трепет и блеск.

Из заросли поднялся корабль; он всплыл и остановился по самой середине зари. Из этой дали он был виден ясно, как облака. Разбрасывая веселье, он пылал, как вино, роза, кровь, уста, алый бархат и пунцовый огонь. Корабль шёл прямо к Ассоль. Крылья пены трепетали под мощным напором его киля; уже встав, девушка прижала руки к груди, как чудная игра света перешла в зыбь; взошло солнце, и яркая полнота утра сдёрнула покровы со всего, что ещё нежилось, потягиваясь на сонной земле.

Девушка вздохнула и осмотрелась. Музыка смолкла, но Ассоль была ещё во власти её звонкого хора. Это впечатление постепенно ослабевало, затем стало воспоминанием и, наконец, просто усталостью. Она легла на траву, зевнула и, блаженно закрыв глаза, уснула — по-настоящему, крепким, как молодой орех, сном, без заботы и сновидений.

Её разбудила муха, бродившая по голой ступне. Беспokoйно повертев ножкой, Ассоль проснулась; сидя, закалывала она растрёпанные волосы, поэтому кольцо Грзя напомнило о себе, но считая его не более, как стебельком, застрявшим меж пальцев, она распрямила их; так как помеха не исчезла, она нетерпеливо поднесла руку к глазам и выпрямилась, мгновенно вскочив с силой брызнувшего фонтана.

На её пальце блестело лучистое кольцо Грзя, как на чужом, — своим не могла признать она в этот момент, не чувствовала палец свой. «Чья это

шутка? Чья шутка? — стремительно вскричала она. — Разве я сплю? Может быть, нашла и забыла?» Схватив левой рукой правую, на которой было кольцо, с изумлением осматривалась она, пытая взглядом море и зелёные заросли; но никто не шевелился, никто не притаился в кустах, и в синем, далеко озарённом море не было никакого знака, и румянец покрыл Ассоль, а голоса сердца сказали вещее «да». Не было объяснений случившемуся, но без слов и мыслей находила она их в странном чувстве своём, и уже близким ей стало кольцо. Вся дрожа, сдёрнула она его с пальца; держа в пригоршне, как воду, рассмотрела его она — всею душою, всем сердцем, всем ликованием и ясным суеверием юности, затем, спрятав за лиф, Ассоль уткнула лицо в ладони, из-под которых неудержимо рвалась улыбка, и, опустив голову, медленно пошла обратной дорогой.

Так, — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности.

V. Боевые приготовления

[Грэй поднялся на палубу «Секрета», отдал указания о смене места своему помощнику Пантену, затем, взяв деньги, отправился в лавку. Он пересмотрел много образцов шёлка.]

Наконец, один цвет привлёк обезоруженное внимание покупателя; он сел в кресло к окну, вытянул из шумного шёлка длинный конец, бросил его на колени и, развалясь, с трубкой в зубах, стал созерцательно неподвижен.

Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности

цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй. В нём не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намёков; не было также ни синевы, ни тени — ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, прелестью духовного отражения. Грэй так задумался, что позабыл о хозяине, ожидавшем за его спиной с напряжением охотничьей собаки, сделавшей стойку. Устав ждать, торговец напомнил о себе треском оторванного куска материи.

— Довольно образцов, — сказал Грэй, вставая, — этот шёлк я беру.

[Выйдя из лавки, Грэй нанял музыкантов, затем «зашёл в комиссионную контору и дал тайное поручение за крупную сумму — выполнить срочно, в течение шести дней».]

Следует заметить, что Грэй в течение нескольких лет плывал с одним составом команды. Вначале капитан удивлял матросов капризами неожиданных рейсов, остановок — иногда месячных — в самых неторговых и безлюдных местах, но постепенно они прониклись «грэизмом» Грэя. Он часто плывал с одним балластом, отказываясь брать выгодный фрахт¹ только потому, что не нравился ему предложенный груз. Никто не мог уговорить его везти мыло, гвозди, части машин и другое, что мрачно молчит в трюмах, вызывая безжизненные представления скучной необходимости. Но он охотно грузил фрукты, фарфор, животных, пряности, чай, табак, кофе, шёлк, ценные породы деревьев: чёрное, сандал, пальму. Всё это отвечало аристократизму его воображения, создавая живописную

¹*Фрахт* — определённая плата за перевозку грузов.

атмосферу; неудивительно, что команда «Секрета», воспитанная, таким образом, в духе своеобразности, посматривала несколько свысока на все иные суда, окутанные дымом плоской наживы. Всё-таки этот раз Грэй встретил вопросы в физиономиях; самый тупой матрос отлично знал, что нет надобности производить ремонт в русле лесной реки. <...>

Тем временем его ждали уже все, нетерпеливо и с любопытством, полным догадок. Он вышел и увидел по лицам ожидание невероятных вещей, но так как сам находил совершающееся вполне естественным, то напряжение чужих душ отразилось в нём легкой досадой.

— Ничего особенного, — сказал Грэй, присаживаясь на трап мостика. — Мы простои́м в устье реки до тех пор, пока не сменим весь такелаж¹. Вы видели, что привезён красный шёлк; из него под руководством парусного мастера Блента смастерят «Секрету» новые паруса. Затем мы отправимся, но куда — не скажу; во всяком случае, недалеко отсюда. Я еду к жене. Она ещё не жена мне, но будет ею. Мне нужны алые паруса, чтобы ещё издали, как условлено с нею, она заметила нас. Вот и всё. Как видите, здесь нет ничего таинственного. И довольно об этом. <...>

[Глава VI. «Ассоль остаётся одна» опущена.]

VII. Алый «Секрет»

Был белый утренний час; в огромном лесу стоял тонкий пар, полный странных видений. <...>

[Грэй вёл «Секрет» под алыми парусами сам, беседуя со своим помощником Пантенном.]

¹*Такелаж* — совокупность снастей судна.

— Теперь, — сказал Грэй, — когда мои паруса рдеют, ветер хорош, а в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настроить вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. <...> Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасном несбыточном, и что, по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не может, не должна иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чём мы хорошо знаем, закончив объяснение так:

— Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждёт и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме неё, может быть, именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное — получать draжайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключённого, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везёт, — тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и — вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим — значит владеть всем. Что до меня, то наше начало — моё и Ассоль — останется нам навсегда в алом отблеске парусов,

созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли вы меня?

— Да, капитан. — Пантен крикнул, вытерев усы аккуратно сложенным чистым платочком. — Я всё понял. Вы меня тронули. <...>

Некоторое время «Секрет» шёл пустым морем, без берегов; к полудню открылся далёкий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, оставившаяся и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он не без досады сдунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!..» — и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнём алого шёлка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: «Налейте, налейте

бокалы — и выпьем, друзья, за любовь»... В её простоте, ликуя, развёртывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; её ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправи-лась. Временами то крыша, то забор скрывали от неё алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегчённо вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда ещё большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с не-

Ил. А. Л. Дудина

винностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чём был; жители перекликались со двора во двор, наскикивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в эту толпу стремительно вбежала Ассоль.

Пока её не было, её имя перелетало среди людей с нерв-

ной и угрюмой тревогой, со злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдавленно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать — яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкли, все со страхом отошли от неё, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем её чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, которая грела и топила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи — она вбежала по пояс в тёплое колыхание волн, крича:

— Я здесь, я здесь! Это я!

Тогда Циммер взмахнул смычком — и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором. От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка — всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи неё; она подняла голову. Грэй нагнулся, её руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя моё! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот, я пришёл. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котёнком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачиванье шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета», — всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте — в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял её руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слёз лицо на груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясённый и удивлённый тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давным-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки наконец ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

— Ты возьмёшь к нам моего Лонгрена? — сказала она.

— Да. — И так крепко поцеловал он её вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдём от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных

языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдалённо, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу. <...>

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

1922

1. Изучите содержание ресурса «А. С. Грин. Алые паруса». Кратко сформулируйте особенности: 1) жанра; 2) сюжета; 3) композиции произведения.

2. Жанр «Алых парусов» определяют по-разному: повесть-сказка, повесть-феерия. Уточните отличительные черты этих жанров. Пользуясь текстом, определите жанровую принадлежность этого произведения и сформулируйте не менее трёх аргументов, подтверждающих вашу точку зрения.

3. Опишите место действия произведения: где находится Каперна, что за люди её населяют (общая характеристика). Определите место Каперны на карте Гринландии. Как относились жители Каперны к Ассоль и её отцу? Какую особенность жизни в городке подметил Эгль и как она характеризует капернцев?

4. Опишите особенности внешности и характера Ассоль. Рассмотрите иллюстрации, размещённые в тексте на форзаце 2. Установите, в каких эпизодах из повести художники изобразили девушку. Выпишите ключевые выражения, передающие состояние героини в этих моментах.

5. Кто определил характер и судьбу Ассоль? Составьте общий список тех людей, чьи поступки повлияли на жизнь девушки. Письменно дайте

краткую характеристику одному из них (возраст, род занятий, привычки, главное в характере, суть поступка).

6. Сравните детство Ассоль и Грзя. Что общего и в чём различия между ними? Почему Ассоль и Грэй всё-таки встретились? Как они понимают смысл понятия «счастье»?

7. В 1961 году кинорежиссёр А. Л. Птушко снял фильм по мотивам повести «Алые паруса» с одноимённым названием. Какие детали изменил режиссёр, чтобы сделать фильм более современным? Если бы вы были режиссёром, снимающим фильм по мотивам книги, каких актёров вы бы пригласили на главные роли? Какие новые сюжетные элементы привнесли бы в фильм?

8. Выполните задание «Тематический контроль». А. С. Грин. Алые паруса».

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Твардовский — прямой и законный наследник славной русской литературы, которая всегда умела выражать большие, глубокие, но сдержанные чувства простого человека.

С. Я. Маршак

ПУТЬ ПОЭТА

Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретённый моим отцом,

Трифоном Гордеевичем Твардовским... в рассрочку. Земля эта — ...вся в мелких болотцах... и вся заросшая лозняком, ельником, берёзкой, — была во всех смыслах незавидна. Но для отца... земля эта была дорога до святости. И нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле...

Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски... Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-нибудь книги. Первое моё знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» А. С. Пушкина, «Тарасом Бульбой» Н. В. Гоголя, популярнейшими стихотворениями М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. К. Толстого, И. С. Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов...

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка ко многому... Её до слёз трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке... или отголосок песни с далёких деревенских полей, или запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т. п.

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое моё стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнёзд, я пытался записать, ещё не зная всех букв алфавита...

С 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет...

После этого я, собрав с десятков стихотворений, отправился в Смоленск к М. В. Исаковскому... Принял он меня приветливо, отобрал часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал

меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора-поэта А. Т. Твардовского».

А. Т. Твардовский. «Автобиография»

1. По материалам автобиографии определите ценности, на которых формировался Твардовский-поэт.

Как был написан «Василий Тёркин»

Первые главы «Василия Тёркина» были опубликованы в 1942 году...

...Было и есть до сих пор такое читательское представление, что Тёркин — это, так сказать, личный человек, солдат, живущий под этим или иным именем, числящийся за номером своей воинской части и полевой почты...

Нет, Василий Тёркин, каким он является в книге, — лицо, вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нём, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Тёркина...

Первое, что я принял за принцип композиции и стиля, — это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода и даже строфы. Я должен был иметь в виду читателя, который, хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашёл бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе, нечто целое, округлённое. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы; он был там, где и герой, — на войне. Этой

примерной завершённостью каждой главы я и был более всего озабочен...

И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе... что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке...

С того времени, как в печати появились главы первой части «Тёркина», он стал моей основной и главной работой на фронте...

А. Т. Твардовский

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

КНИГА ПРО БОЙЦА

(Главы из поэмы)

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Какая часть речи преобладает в описании переправы? Почему?

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Какими изображены бойцы? В чём состоит их героизм?

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи-отцы.

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат.

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минёт ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревёт правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревёт в теснине¹,
Жухлый² лёд в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы³
Бьётся в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достаёт шестом земли.

Позади шумит протока⁴,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Ил. И. М. Колчанова

Почему описание переправы приближается к прозе?

¹Теснина — узкий проход.

²Жухлый — потерявший яркость, свежесть.

³Ферма — здесь: сооружение из скреплённых брусьев.

⁴Протока — рукав реки.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Какие эмоции вызывает фрагмент о гибели солдат на переправе?

Под огнём неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А, наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудюю взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мёртвым всё равно.
Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть ещё паёк им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что ещё ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Своё сказали
И уже навек правы.

И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жёстки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

Расскажите о природных условиях во время переправы.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:

То ли чурка¹, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета².

— Не пловец ли одиночка?

— Шутишь, брат. Вода не та!

— Да, вода... Помыслить страшно.

Даже рыбам холодна.

— Не из наших ли вчерашних

Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.

И сказал один боец:

— Нет, он выплыл бы в шинели,

С полной выкладкой³, мертвец.

Оба здорово продрогли,

Как бы ни было, — впервой.

Подошёл сержант с биноклем.

Присмотрелся: нет, живой.

— Нет, живой. Без гимнастёрки.

— А не фриц⁴? Не к нам ли в тыл?

— Нет. А может, это Тёркин? —

Кто-то робко пошутил.

¹ *Чурка* — короткий обрубок дерева, железа.

² *Маета* (прост.) — изнуряющая работа, хлопотливое занятие.

³ *Выкладка* — походное снаряжение солдата.

⁴ *Фриц* (разг.) — мужское немецкое имя в годы Великой Отечественной войны превратилось в нарицательное имя, обозначающее любого фашистского солдата.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы, — он!

И, у заберегов¹ корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин,
Встал живой, — добрался вплавь.

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.
Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Какие качества проявил Тёркин, вернувшись вплавь?

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?

¹*Зáбереги* — лёд, настывающий у берега в заморозки.

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём,
Что там есть, перекалечим —
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.
— Молодец! — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

В чём особенность
композиции главы
«Переправа»?

Гармонь

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шёл легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щёлкал по лесу мороз,
Защемлял в пути всё туже,
Подгонял, под мышки нёс.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофёр,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щёки снегом бы натёр.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.

Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кисет¹.

¹*Кисёт* — маленький мешочек для табака, затягиваемый шнурком.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернёшь немного,
Как свернул — снимай шинель.

- Хорошо — как есть лопата.
- Хорошо, а то беда.
- Хорошо — свои ребята.
- Хорошо, да как когда.

Объясните, почему много диалогов в главе «Гармонь».

Грузовик гремит трёхтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой, —
Смолк шофёр,
Заснул шофёр.

Сколько суток полусонных,
Сколько вёрст в пурге слепой
На дорогах занесённых
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперёд-назад,
Гусеницы и колёса
На снегу ещё визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалищей нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трёт ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Зачем нужна гармонь? Откуда она появилась?

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.
— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чём же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так... — с неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,

Словно он кого ошибкой
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж её беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею,
И контузию одну.
И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что, — сказал водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трёхрядку¹,
Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завёл, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

¹Трёхрядка — гармонь с тремя рядами клавиш.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомёк.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повёл о трёх танкистах,
Трёх товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой ещё народ.

Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так ещё сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу.

Перечитайте, как
музыка воздействует
на бойцов.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы, —
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трёхрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому ещё лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофёр тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришёлся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

И пошёл, пошёл работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечёрке
Половицы гнёт в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подаёт за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

Почему меняется
ритм поэмы в этом
эпизоде?

А гармонь зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт...

Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:

— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?

Вся в крови была одёжа,
И просил ты пить да пить...
Приглушил гармонь:

— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.

— Это точно...

— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой.

Объясните значение
эпитета «удивитель-
ный».

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту.
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего, — сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдалённой
Из-за тысячи колёс
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да ёлки с двух сторон...
Едет дальше Вася Тёркин, —
Это был, конечно, он.

По каким деталям
в гармонисте можно
узнать Тёркина?

Два солдата

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Тёркин дома,
Тёркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведёт.

— Перелёт! Лежи, старуха. —
Или скажет:
— Недолёт...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
С уважительным испугом
За повадкой старика.

Расскажите, как
мирную жизнь из-
менила война.

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берёт, ну что ты хочешь!.. —
Тёркин встал:
— А может, дед,
У неё развода¹ нет?
Сам пилу берёт:
— А ну-ка... —
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

¹Развóд — наклон зубьев пилы в разные стороны.

Повела, повисла кротко.

Тёркин щурится:

— Ну, вот.

Поищи-ка, дед, разводку,

Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:

Завалившая пила

Так-то ладно, так-то складно

У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.

— На-ко, дед, бери, смотри.

Будет резать лучше новой,

Зря инстру́мент не кори.

И хозяин виновато

У бойца берёт пилу.

— Вот что значит мы, солдаты, —

Ставит бережно в углу.

А старуха:

— Слаб глазами.

Стар годами мой солдат.

Поглядел бы, что с часами,

С той войны ещё стоят...

Снял часы, глядит: машина,

Точно мельница, в пыли.

Паутинами пружины

Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой

Дед-солдат давным-давно:

На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Всё ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...

Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутри куда-то дунул, плюнул, —
Что ты думаешь, — пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
Час-другой, вперёд-назад.
— Вот что значит мы, солдаты.
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
— Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить ещё не прочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.
Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...
Тёркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

О каких новых талантах Тёркина идёт речь в этой главе?

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.
Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:
— Рассуждая так ли, сяк ли,
Всё равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мёрзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чём — Василий Тёркин,
Как ни в чём — старик солдат.

— Эти штуки в жизни нашей, —
Дед расхвастался, — пустяк!

Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.
Попадёт — откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбёжки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрёшь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?

— Какая?

— Вошь.

И, макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Тёркин
И сказал:

— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьёз.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьём мы немца
Или, может, не побьём?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,

Почему Тёркин не сразу отвечает на вопрос деда?

Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подросток,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднёс.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе,
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — всё ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!

Всё припомнил, всё проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьём, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперёд,
По снегам идёт Василий
Тёркин. Немца бить идёт.

1. Почему А. Т. Твардовский, кроме заглавия, дал поэме ещё подзаголовок — «Книга про бойца»? Как поэт объясняет замысел поэмы?

Почему глава назва-
на «Два солдата»?

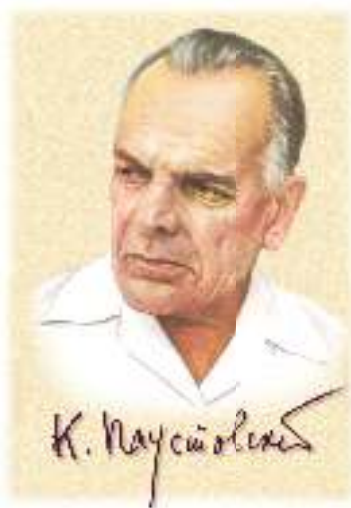
2. Почему в годы войны многие солдаты считали, что Тёркин — «лицо невымышленное»? Какие черты русского «чудо-человека» воплотил в этом образе Твардовский?
3. Выпишите из текста примеры тёркинского юмора, его шуток, афоризмов, которые помогали солдатам переносить невзгоды войны, вселяли в них бодрость и веру в победу.
4. Какие самые трагические стороны войны запечатлены поэтом в прочитанных вами главах? Когда и почему в этих же главах возникают юмористические нотки? О чём думает, что чувствует солдат на войне, что ведёт его в бой, помогает выжить и победить?
5. Рассмотрите иллюстрацию И. Л. Бруни на форзаце 1. Найдите строки из текста поэмы, которые точно передают содержание картины. Каким изображён Тёркин? Почему именно таким?
- 6. «Книгу про бойца» иллюстрировал друг поэта — художник О. Г. Верейский. Что ему, на ваш взгляд, удалось передать в рисунках к поэме?
- 7. В. Я. Лакшин в статье «Книга особой судьбы» писал: «Когда скульптор С. Т. Конёнков задумал лепить Тёркина, он уговаривал Твардовского позировать ему хотя бы два-три сеанса, — это не должен был быть портрет поэта, но этюд к Тёркину. И это, наверное, правильно. Конечно, А. Т. Твардовский не Тёркин, но сквозь черты героя должно было проступить его лицо, и как жаль, что скульптор не осуществил этот замысел». Какие черты А. Т. Твардовского — поэта и человека — могут увидеть читатели поэмы «Василий Тёркин»?
- 8. В разных странах мира поставлены памятники литературным героям (Тому Сойеру и Гекльберри Финну, Шерлоку Холмсу, барону Мюнхгаузену, Русалочке и др.). Рассмотрите памятник Твардовскому и Василию Тёркину на форзаце 1. Узнайте историю этого памятника. Расскажите об этом в классе.

**Константин Георгиевич
ПАУСТОВСКИЙ**

1892—1968

Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хоть немного зоркости.

К. Г. Паустовский

УЧИТЕЛЬ

Мне думается, практически связь времён проявляется не в чём ином, как во взаимоотношениях учителя и ученика, в передаче духовных ценностей от старшего к младшему.

Константин Георгиевич Паустовский не знает и не может знать всех своих учеников, их по стране не тысячи — миллионы. В любом городе, в любой деревне... — всюду можно встретить горячих поклонников Паустовского.

Он учил улавливать ясную праздничность природы, заставлял верить, что мир, окружающий тебя, столь же прекрасен, как прекрасны живущие в нём люди, чистые душой, чуждые злобы и зависти...

Он говорил, что на свете нет ничего более важного и значительного, чем человеческое достоинство, и нет ничего более преступного, как быть слепым и глухим к нему. Преступно не помнить, что любой

и каждый, кто бы он ни был, способен так же страдать, как ты сам...

В. Ф. Тендряков

1. Какие ценности К. Г. Паустовский стремился передать через свои произведения читателям?
2. Почему Тендряков назвал писателя Паустовского учителем?

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые¹ крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и всё доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие вётлы² рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы»³, пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась тёмная вода⁴, или, может

¹*Тесóвый* — сделанный из тонких досок.

²*Ветлá* — вид ивы.

³«*Вéстник Еврóпы*» — журнал, выходивший в 1866—1918 годах.

⁴*Тёмная вода́* (разг.) — слепота.

быть, картины потускнели от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта — портрет её отца, а вот эта — маленькая, в золотой раме, — подарок Крамского¹, эскиз к его «Неизвестной».

Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном её отцом — известным художником.

В старости художник вернулся из Петербурга в своё родное село, жил на покое и занимался садом. Писать он уже не мог: дрожала рука да и зрение ослабло, часто болели глаза.

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрёт она, последняя его обительница, Катерина Петровна не знала.

А в селе — называлось оно Заборье — не было никого, с кем бы можно было поговорить о картинах, о петербургской жизни, о том лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго.

Не расскажешь же об этом Манюшке, дочери соседа, колхозного сапожника, — девчонке, прибегавшей каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар.

Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную² чёрную шляпу.

¹И. Н. Крамской (1837—1887) — русский художник.

²Стеклярус — маленькие стеклянные трубочки, нанизываемые на нитку. Служат для украшения.

— На что это мне? — хрипло спрашивала Манюшка и шмыгала носом. — Тряпичница я, что ли?

— А ты продай, милая, — шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко. — Ты продай.

— Сдам в утиль¹, — решала Манюшка, забирала всё и уходила.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае — Тихон — тощий, рыжий. Он ещё помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу.

Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберёг на всю жизнь. Глядя на его картины, он громко вздыхал:

— Работа натуральная!

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но всё же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колол на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая, — и всё перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле². Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди, бог с тобой!

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер

¹Утиль — вещи, не пригодные к употреблению.

²Ридикюль (устар.) — ручная женская сумочка.

свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме, — без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Ночи были уже долгие, тяжёлые, как бессонница. Рассвет всё больше медлил, всё запаздывал и нехотя сочился в немытые окна, где между рам ещё с прошлого года лежали поверх ваты когда-то жёлтые осенние, а теперь истлевшие и чёрные листья.

Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде¹. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, своё счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана так тихо, чтомышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца весёлый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она

¹*Ленинград* — название города Санкт-Петербурга в 1924—1991 годах.

надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были все одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забывала, что деньги эти вовсе не те, какие были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет Настиными духами.

Как-то в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову тёплым платком, надела старый салоп¹, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, оцупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звёзды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила:

— Кто стучит?

Но за забором никто не ответил.

— Должно быть, почудилось, — сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Она задохнулась, остановилась у старого дерева, взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала: это был клён. Его она посадила давно, ещё девушкой-хохотушкой, а сейчас он стоял облетевший, озябший, ему некуда было уйти от этой бесприютной, ветреной ночи.

Катерина Петровна пожалела клён, потрогала шершавый ствол, побрела в дом и в ту же ночь написала Насте письмо.

¹Салоп (устар.) — широкое женское пальто.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, подержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать, — смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет — совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело; вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на почту, долго засовывала его в почтовый ящик и заглядывала внутрь — что там? Но внутри ничего не было видно — одна жестяная пустота.

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — всё это проходило через её руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит, жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живёт, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают¹ и не дают вернуться.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась, — сейчас она правилась

¹*Затира́ть* — умышленно мешать кому-то продвигаться по службе.

самой себе. Художники звали её Сольвейг¹ за русые волосы и большие холодные глаза.

Открыл сам Тимофеев — маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые² боты.

— Не раздевайтесь, — буркнул Тимофеев. — А то замёрзнете. Прошу!

Он провёл Настю по тёмному коридору, поднялся вверх на несколько ступеней и открыл узкую дверь в мастерскую.

Из мастерской пахло чадом³. На полу около бочки с мокрой глиной горела керосинка. На станках стояли скульптуры, закрытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в её тёмной воде. Ветер посвистывал в рамах и шевелил на полу старые газеты.

— Боже мой, какой холод! — сказала Настя, и ей показалось, что в мастерской ещё холоднее от белых мраморных барельефов⁴, в беспорядке развешанных по стенам.

— Вот, полюбуйтесь! — сказал Тимофеев, подвигая Насте испачканное глиной кресло. — Непонятно, как я ещё не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской от калориферов дует теплом, как из Сахары.

¹*Сольвейг* — героиня драмы «Пер Гюнт» норвежского писателя Г. Ибсена. Олицетворение поэтичности, красоты.

²*Фетровый* — сделанный из *фэтра* — плотного валяного материала из высококачественных сортов шерсти.

³*Чад* — удушливый дым от нагоревшего угля.

⁴*Барельеф* — выпуклое скульптурное изображение на плоской поверхности.

— Вы не любите Першина? — осторожно спросила Настя.

— Высочка! — сердито сказал Тимофеев. — Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож на неандертальского человека. Лепит деревянной лопатой. А хитёр, милая моя, хитёр, как кардинал!

— Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя, чтобы переменить разговор.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придирчиво осмотрел её со всех сторон, присел на корточки около керосинки, грея руки, и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная её насквозь, смотрел на неё остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьётся тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. — Эх ты, сорока!»

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьёзный дядя, да?

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

— Превосходно, — повторил он. — Все говорят: превосходно. И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь — превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределённо

хмыкнет — и готово. А Першин хмыкнул — значит, конец!.. Ночи не спишь! — крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, топая ботами. — Ревматизм в руках от мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свиные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груду книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

— Это всё о Гоголе! — сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей-богу, я готов драться.

— Ну что ж, будем драться вместе, — сказала Настя и встала.

Тимофеев крепко пожал ей руку, и она ушла с твёрдым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливое человека из неизвестности.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился. Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке, с лепным золочёным потолком, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней, — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева.

Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

— Ни черта у вас не получится, дорогая моя, — со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только трачу время, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы от уязвлённой гордости, что они наигранны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуру при электричестве.

— Мёртвый свет! — ворчал он. — Убийственная скука! Керосин и то лучше.

— Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип? — вспыхнула Настя.

— Свечи нужны! Свечи! — страдальчески закричал Тимофеев. — Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу. Абсурд!

На открытии были скульпторы, художники. Непосвящённый, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспыльчивый художник подошёл к Насте и похлопал её по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет Божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдёт до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Ещё раз благодарю!

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому, незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел нахохлившись, рассматривал паркет, но всё же искоса поглядывал на выступающих, не зная, можно ли им верить или пока ещё рано.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес: нет, телеграмма была ей. Тогда только она заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, покачиваясь и придерживая очки, — забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать. Я счастлив отметить в нашей среде, в среде скульпторов и художников, проявление этой заботы. Я говорю о выставке работ товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком обязаны — да не в обиду будет сказано нашему руководству — одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слёз.

Кто-то тронул её сзади за руку. Это был старый вспыльчивый художник.

— Что? — спросил он шёпотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

— Ага! — пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но чей-то взгляд, тяжёлый и пронзительный, Настя всё время чувствовала на себе и боялась поднять голову. «Кто бы это мог быть? — подумала она. — Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расходились нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: Гоголь смотрел на неё, усмехаясь. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: «Эх ты!»

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу и выбежала на улицу.

Валил водянистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь. Хмурое небо всё ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспомнила Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

«Поздно! Маму я уже не увижу», — сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо.

«Что ж это, мама? Что? — думала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила».

Настя вышла на Невский проспект, к городской станции железных дорог.

Она опоздала. Билетов уже не было.

Настя стояла около кассы, губы у неё дрожали, она не могла говорить, чувствуя, что от первого же сказанного слова она расплачется навзрыд.

Пожилая кассирша в очках выглянула в окошко.

— Что с вами, гражданка? — недовольно спросила она.

— Ничего, — ответила Настя. — У меня мама...

Настя повернулась и быстро пошла к выходу.

— Куда вы? — крикнула кассирша. — Сразу надо было сказать. Подождите минутку.

В тот же вечер Настя уехала. Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела» едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса, обдавая их паром и оглашая протяжным предостерегающим криком.

...Тихон пришёл на почту, пошептался с почтарём Василием, взял у него телеграфный бланк, повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осто-

рожно сложил бланк, засунул в шапку и поплёлся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничего не болело, но обморочная слабость давила на грудь, на голову, на ноги, и трудно было вздохнуть.

Манюшка шестые сутки не отходила от Катерины Петровны. Ночью она, не раздеваясь, спала на продавленном диване. Иногда Манюшке казалось, что Катерина Петровна уже не дышит. Тогда она начинала испуганно хныкать и звала:

— Бабка? А, бабка? Ты живая?

Катерина Петровна шевелила рукой под одеялом, и Манюшка успокаивалась.

В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло. Манюшка топилла печку. Когда весёлый огонь освещал бревенчатые стены, Катерина Петровна осторожно вздыхала — от огня комната делалась уютной, обжитой, какой она была давным-давно, ещё при Насте. Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкатывалась и скользила по жёлтому виску, запутывалась в седых волосах одна-единственная слезинка.

Пришёл Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Похолодало, Катерина Петровна! — бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. — Снег скоро выпадет. Оно к лучшему. Дорогу морозцем собьёт — значит, и ей будет сподобнее ехать.

— Кому? — Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло.

— Да кому же другому, как не Настасье Семёновне, — ответил Тихон, криво ухмыляясь, и вытащил из шапки телеграмму. — Кому, как не ей.

Катерина Петровна хотела подняться, но не смогла, снова упала на подушку.

— Вот! — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул её Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна её не взяла, а всё так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У неё слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот, пригладил рыжие редкие волосы и глухим, неуверенным голосом прочёл: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша! — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, курил, опустив голову, сплёвывал и вздыхал, пока не вышла Манюшка и не поманила в комнату Катерины Петровны.

Тихон вошёл на цыпочках и всей пятернёй отёр лицо. Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно уснувшая.

— Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх, горе её горькое, страданье неписаное! А ты смотри, дура, — сказал он сердито Манюшке, — за добро плати добром, не будь пустельгой¹. Сиди здесь, а я сбегаю в сельсовет, доложу.

¹*Пустельга́* — здесь: пустой, легкомысленный человек.

Он ушёл, а Манюшка сидела на табурете, подбрав колени, тряслась и смотрела, не отрываясь, на Катерину Петровну.

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмёрзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые. От них тянуло острым и весёлым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины — старички, будто заросшие чистой паклей¹. Манюшка с братом Володькой несла крышку гроба и, не мигая, смотрела перед собой.

Кладбище было за селом, над рекой. На нём росли высокие жёлтые от лишаёв вербы.

По дороге встретилась учительница. Она недавно приехала из областного города и никого ещё в Заборье не знала.

— Учителька идёт, учителька! — зашептали мальчишки.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая, совсем ещё девочка. Она увидела похороны и робко остановилась, испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу. На лицо старушки падали и не таяли колкие снежинки. Там, в областном городе, у учительницы осталась мать — вот такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и такая же совершенно седая.

Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Старухи оглядывались на неё, шепта-

¹Пакля — грубое волокно, отход от первичной обработки льна.

лись, что вот, мол, тихая какая девушка и ей трудно будет первое время с ребятами — уж очень они в Заборье самостоятельные и озорные.

Учительница наконец решилась и спросила одну из старух, бабу Матрёну:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мила-ая, — тотчас запела Матрёна, — почитай что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Всё, бывало, сидит и сидит у себя на диванчике одна, не с кем ей слова сказать. Такая жалость! Есть у неё в Ленинграде дочка, да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без сродственников¹.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, дотрагивались тёмными руками до земли. Учительница подошла к гробу, наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в высохшую жёлтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

За оградой, в лёгком перепархивающем снегу лежала любимая, чуть печальная, родная земля.

Учительница долго смотрела, слушала, как за её спиной переговаривались старики, как стучала по крышке гроба земля и далеко по дворам кричали разноголосые петухи — предсказывали ясные дни, лёгкие морозы, зимнюю тишину.

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище — земля на нём смёрзлась комками — и холодную, тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно.

¹Срóдственник (прост.) — то же, что рóдственник.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый расцвет.

Уехала Настя из Заборья крадучись, стараясь, чтобы её никто не увидел и ни о чём не расспрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Катерины Петровны, не мог снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести.

1946

1. Почему описание последних дней Катерины Петровны дано на фоне ненастной поздней осени? Какое настроение вызывает пейзажная зарисовка в начале рассказа? Выделите слова и выражения, передающие это настроение.
2. Как образ маленького подсолнечника у забора связан с состоянием Катерины Петровны? Найдите и выпишите другие образы-символы из мира природы, которые помогают ощутить и понять боль угасания жизни одинокого человека.
3. В описании старого дома, сада найдите детали, которые являются наиболее важными для характеристики героини рассказа.
4. Составьте письменно план рассказа о жизни Катерины Петровны и её одинокой старости. Подготовьте в соответствии с планом устное сообщение.
5. Почему Настя так долго не навещала мать и не писала ей? Можно ли назвать Настю жестокой? Зачем К. Г. Паустовский подробно рассказывает о её ленинградской жизни? Почему добрая и внимательная к другим людям Настя оказалась такой чёрствой по отношению к матери?
6. Оправдывает или осуждает Настю Паустовский? Как с помощью антитезы писатель помогает увидеть истинную доброту и человечность людей? Как показано позднее «прозрение» Насти

в Ленинграде, её состояние в Заборье? Какую роль играют описания природы в этих сценах?

7. В каких эпизодах, на ваш взгляд, ярче всего раскрывается суть характеров Тихона, Манюшки, молоденькой учительницы? Какова роль каждого из них в раскрытии идеи произведения?
8. Как вы думаете, почему скорбная сцена похорон Катерины Петровны завершается словами: «За оградой, в лёгком перепархивающем снегу лежала любимая, чуть печальная, родная земля»?
9. К. Г. Паустовский в книге «Золотая роза» (в главе «Зарубки на сердце») рассказал, как была создана «Телеграмма». Найдите и прочитайте этот отрывок, чтобы понять, в чём отличие художественного вымысла от жизненной правды и какими сокровенными мыслями хотел поделиться автор с читателями в своём рассказе.

Лиризм прозы К. Г. Паустовского

Лирическая проза соединяет в себе признаки лирики и эпоса. От *лирики* она унаследовала эмоциональность, образность, выраженное авторское отношение к описанному случаю. От *эпоса* — чёткий, но необязательно развёрнутый сюжет. В центре лирической прозы чаще всего оказывается один главный герой, раскрываются его сложные и противоречивые переживания, их самые тонкие оттенки.

Произведение может приобретать определённую музыкальность, ритмичность.

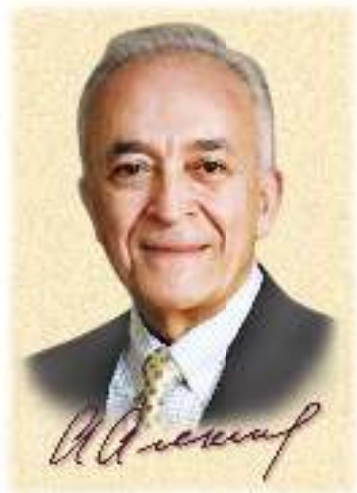
1. Определите признаки лирической прозы в рассказе К. Г. Паустовского «Телеграмма». Запишите их в тетрадь с примерами или необходимыми пояснениями.

**Анатолий Георгиевич
АЛЕКСИН**

1924—2017

Анатолий Алексин всем своим творчеством утверждает: взрослость — понятие не столько возрастное, сколько нравственное, и определяется она прежде всего не датой рождения, указанной в паспорте, а деяниями человека.

Л. А. Кассиль

**«О ЛЮДЯХ ЛЕТ ТРИНАДЦАТИ
И О КАЖДОМ ИЗ НАС...»**

Первая книга А. Г. Алексина «Тридцать один день» издана в 1950 году. С тех пор к читателям пришли десятки повестей, популярных и сегодня: «Мой брат играет на кларнете», «Безумная Евдокия», «Поздний ребёнок», «Третий в пятом ряду», «Раздел имущества», «Сердечная недостаточность», «Звоните и приезжайте!». Все они о подростках 1960—1980-х годов.

Писатель удостоен многих наград: он лауреат международных премий, государственных премий СССР и России, включён в Международный почётный список имени Г. Х. Андерсена; награждён Пушкинской медалью; избирался вице-президентом Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей. Имя Анатолия Алексина внесено в список 500 выдающихся людей XXI века по версии Американского биографического института.

Писателю вручена израильская премия «Сострадание» за помощь онкологическим больным и жертвам чернобыльской аварии. А. Г. Алексин — автор не только рассказов и повестей, он выступает и как публицист, пишет сценарии для кино, пьесы для театра. Его книги переведены на английский, японский, французский, испанский и другие языки; многие повести экранизированы.

С 1993 Алексин года жил и работал в Израиле.

1. Перечитайте заглавие статьи. О ком писал свои произведения Алексин? Почему он называет героев-подростков людьми, а не как-то иначе, более чётко определив их возраст и положение в обществе, семье?

2. Узнайте больше хотя бы об одной из премий, лауреатом которой был А. Г. Алексин. Какие стороны таланта писателя подчёркивают высокие награды?

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ГДЕ-ТО...

(В сокращении)

У нас с отцом одинаковые имена: он Сергей и я Сергей.

Если бы не это, не произошло бы, наверно, всё, о чём я хочу рассказать. И я не спешил бы сейчас на аэродром, чтобы сдать билет на рейсовый самолёт. И не отказался бы от путешествия, о котором мечтал всю зиму...

Началось это три с половиной года назад, когда я ещё был мальчишкой и учился в шестом классе.

1

«Своим поведением ты опрокидываешь все законы наследственности, — часто говорил мне учитель

зоологии, наш классный руководитель. — Просто невозможно себе представить, что ты сын своих родителей!» Кроме того, поступки учеников он ставил в прямую зависимость от семейных условий, в которых мы жили и произрастали. Одни были из неблагополучных семей, другие — из благополучных. Но только я один был из семьи образцовой! Зоолог так и говорил:

«Ты — мальчик из образцовой семьи! Как же ты можешь подсказывать на уроке?»

Может быть, это зоология приучила его всё время помнить о том, кто к какому семейству принадлежит?

Подсказывал я своему другу Антону. Ребята звали его Антоном-Батоном за то, что он был полным, сдобным, розовощёким. Когда он смущался, розовела вся его крупная шарообразная голова и даже казалось, что корни белёсых волос подсвечивались откуда-то изнутри розовым цветом.

Антон был чудовищно аккуратен и добросовестен, но, выходя отвечать, погибал от смущения. К тому же он заикался.

Ребята мечтали, чтобы Антона почаще вызывали к доске: на него уходило минимум пол-урока. Я ёрзал, шевелил губами, делал условные знаки, стараясь напомнить своему другу то, что он знал гораздо лучше меня. Это раздражало учителей, и они в конце концов усадили нас обоих на «аварийную» парту, которая была первой в среднем ряду — перед самым учительским столом.

На эту парту сажали только тех учеников, которые, по словам зоолога, «будоражили коллектив».

Наш классный руководитель не ломал себе голову над причиной Антоновых неудач. Тут всё

ему было ясно: Антон был выходцем из неблагополучной семьи — его родители развелись очень давно, и он ни разу в жизни не видел своего отца. Наш зоолог был твёрдо убеждён в том, что, если бы родители Антона не развелись, мой школьный друг не смущался бы понапрасну, не маялся бы у доски и, может быть, даже не заикался.

Со мной было гораздо сложнее: я нарушал законы наследственности. Мои родители посещали все родительские собрания, а я писал с орфографическими ошибками. Они всегда вовремя расписывались в дневнике, а я сбегал с последних уроков.

Они вели в школе спортивный кружок, а я подсаживал своему другу Антону.

Всех отцов и матерей у нас в школе почти никогда не называли по имени-отчеству, а говорили так: «родители Барабанова», «родители Сидоровой»... Мои же отец и мать оценивались как бы сами по себе, вне зависимости от моих поступков и дел, которые могли порою бросить тень на их репутацию общественников, старших товарищей и, как говорил наш зоолог, «истинных друзей школьного коллектива».

Так было не только в школе, но и в нашем доме. «Счастливая семья!» — говорили об отце и маме, не ставя им в вину то, что я накануне пытался струёй из брандспойта попасть в окно третьего этажа. Хотя другим родителям этого бы не простили. «Образцовая семья!..» — со вздохом и неизменным укором в чей-то адрес говорили соседи, особенно часто женщины, видя, как мама и отец по утрам в любую погоду совершают пробежку вокруг двора, как они всегда вместе, под руку идут на работу и вместе возвращаются домой.

Говорят, что люди, которые долго живут вместе, становятся похожими друг на друга. Мои родители были похожи.

Это было особенно заметно на цветной фотографии, которая висела у нас над диваном. Отец и мама, оба загорелые, белозубые, оба в васильковых тренировочных костюмах, пристально глядели вперёд, вероятно, на человека, который их фотографировал. Можно было подумать, что их снимал Чарли Чаплин¹, — так безудержно они хохотали. Мне даже казалось иногда, что это звучащая фотография, что я слышу их жизнерадостные голоса. Но Чарли Чаплин тут был ни при чём — просто мои родители были очень добросовестными людьми: если объявляли воскресник, они приходили во двор самыми первыми и уходили самыми последними; если на демонстрации в день праздника затевали песню, они не шевелили беззвучно губами, как это делают некоторые, а громко и внятно пели всю песню от первого до последнего куплета; ну а если фотограф просил их улыбнуться, всего-навсего улыбнуться, они хохотали так, будто смотрели кинокомедию.

Да всё в жизни они делали как бы с перевыполнением.

И это никого не раздражало, потому что всё у них получалось естественно, словно бы иначе и быть не могло.

Я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете!

¹ Чáрли Чáплин (1889—1977) — американский актёр, режиссёр и продюсер короткометражных комедий в эпоху немого кино.

Мне казалось, я имел право на проступки и ошибки, потому что отец и мама совершили столько правильного и добросовестного, сколько могло бы быть запланировано на пять или даже на целых десять семей. На душе у меня было легко и беспечно... И какие бы ни случались неприятности, я быстро успокаивался — любая неприятность казалась ерундой в сравнении с главным: у меня лучшие в мире родители! Или, по крайней мере, лучшие в нашем доме и в нашей школе!..

Они никогда не могут расстаться, как это случилось с родителями Антона... Недаром даже чужие люди не представляют их себе порознь, а только рядом, вместе и называют их общим именем — Емельяновы: «Емельяновы так считают! Емельяновы так говорят! Емельяновы уехали в командировку...»

В командировки мама и отец ездили очень часто: они вместе проектировали заводы, которые строились где-то очень далеко от нашего города, в местах, называемых «почтовыми ящиками».

Я оставался с бабушкой.

2

Мои родители были похожи друг на друга, а я был похож на бабушку — на мамину маму. И не только внешне.

Конечно, бабушка была счастлива за свою дочь, она гордилась её мужем, то есть моим отцом, но, как и я, то и дело опрокидывала законы наследственности.

Мама и отец старались закалить нас, навсегда избавить от простуд и инфекций (сами-то они даже гриппом никогда не болели), но мы с бабушкой сопротивлялись. Мы не желали обтираться ледяной водой, вставать по воскресеньям ещё раньше, чем

в будни, чтобы идти на лыжах или отправляться в туристические походы.

Мои родители то и дело обвиняли нас обоих в нечёткости: мы нечётко дышали во время гимнастики, нечётко сообщали, кто звонил маме и отцу по телефону и что передавали в последних известиях, нечётко выполняли режим дня.

Проводив маму с отцом в очередную командировку, мы с бабушкой тут же, как заговорщики, собирались на экстренный совет. Невысокая, сухонькая, с коротко подстриженными волосами, бабушка напоминала хитрого, озорного мальчишку. А этот мальчишка, как говорили, сильно смахивал на меня.

— Ну-с, сколько денег мы откладываем на кино? — спрашивала бабушка.

— Побольше! — говорил я.

И бабушка откладывала побольше, потому что любила ходить в кино так же сильно, как я. Сразу же мы принимали и другое важное решение: обедов и ужинов не готовить, а ходить в столовую, которая была в нашем доме, на первом этаже. Я очень любил обедать и ужинать в столовой. Там мы с бабушкой тоже вполне находили общий язык.

— Ну-с, первого и второго мы не берём? — иногда говорила бабушка.

В столовой мы часто обходились без супа и даже без второго, но зато неизменно брали селёдку и по две порции желе в металлических формочках. Нам было вкусно, и мы сэкономили деньги на кино!..

С бабушкой я попадал даже на те фильмы, на которые дети до шестнадцати лет не допускались.

— Я очень слаба, — объясняла бабушка контролёрам, угрожая старея и дряхлая у меня на

глазах, — он повсюду меня сопровождает... Обещаю вам, что он не будет смотреть на экран!

— Пардон, почему же ты всё-таки смотришь? — лукаво спрашивала она в темноте кинозала.

«Я очень слаба!» — эта фраза часто выручала бабушку.

— Я очень слаба! — говорила она, спасаясь от того, что мои родители считали совершенно необходимым для продления её жизни: к примеру, от физических упражнений и длинных прогулок.

Мы с бабушкой были «неправильными» людьми. И это нас объединяло.

В тот год отец и мама уехали в командировку месяца на два.

В неблагополучных семьях родители, уехав из дому, вообще не присылают писем, в благополучных — пишут примерно раз или два в неделю, — мы с бабушкой получали письма каждый день. Мои родители соблюдали строгую очерёдность: одно письмо — от отца, другое — от мамы, одно — от отца, другое — от мамы... Порядок ни разу не нарушался. В конце письма неизменно стояла дата и чуть пониже всегда было написано: «8 часов утра». Значит, отец и мама писали после своей утренней пробежки и перед работой.

— Фантастика! — сказала однажды бабушка. — Хоть бы раз перепутали очередь!..

Я не мог понять: восторгается она моими родителями или в чём-то их упрекает.

Это было отличительной бабушкиной чертой: по её тону часто нельзя было определить, шутит она или говорит всерьёз, хвалит или высмеивает.

В другой раз, прочитав знаменитое «8 часов утра» в конце маминого письма, бабушка, обращаясь ко мне, сказала:

— Ну-с, доложу вам: ваш отец — образцовый тренер! Моя дочь уже просто ни на шаг не отстаёт от него.

И я опять ничего не понял: хвалила ли она моего отца?

Или была им недовольна?

Почта не отличалась такой безупречной аккуратностью, как мои родители: письма, отправлявшиеся ими словно по расписанию, попадали в наш облезлый почтовый ящик то утром, то вечером. Но чаще всё-таки утром... Я сам вытаскивал их и прочитывал по дороге в школу. Это было удобно во всех отношениях: во-первых, я начинал день как бы беседуя с отцом и мамой, по которым сильно скучал, а во-вторых, если я опаздывал на урок, то помахивал вскрытым конвертом и объяснял:

— Письмо от родителей! Очень важное. Издалека!..

И мне почему-то не делали замечаний, а мирно говорили:

— Ну ладно, садись.

О себе отец и мама писали мало: «Работаем, по вечерам изучаем английский язык...» Они изучали его самостоятельно и время от времени устраивали друг другу экзамены. Это меня поражало: никто их не заставлял, никто им не ставил отметок, а они готовились, волновались, писали диктанты. Сами! По своей собственной воле!

Мы всегда особенно горячо восхищаемся поступками, на которые сами не способны, — я восхищался своими родителями.

Рассказав о себе в первых трёх строчках, они потом на трёх страницах давали нам с бабушкой

всякие разумные советы. Мы редко следовали этим советам, но письма читали и перечитывали с большим удовольствием: о нас помнили, о нас заботились... А это всегда так приятно!

В ответ мы с бабушкой предпочитали посылать открытки, которые на почте называли «художественными».

Мы были убеждены, что рисунки и фотографии вполне искупают краткость наших посланий. «Подробности в следующем письме!..» — неизменно сообщали мы под конец. Но это «следующее письмо» так ни разу и не было послано.

Однажды утром произошло неожиданное: я вытащил из ящика целых два письма. И на обоих было написано: «Сергею Емельянову». Этого ещё никогда не бывало. Получать каждый день по письму я давно привык, но два в день... Это уж было слишком!

Я вскрыл первый конверт.

«Сергей! Ты понимаешь, что если я пишу тебе, значит, не могу не писать. Мне сейчас очень худо, Серёжа. Хуже, чем было в тот мартовский день... Ещё тяжелее. Со мной случилась беда. И ты единственный человек, которому я хочу рассказать о ней, с которым хочу (и могу!) посоветоваться: ближе тебя у меня никогда никого не было и не будет. Это я знаю. Я не прошу защищать меня: не от кого. Никто тут

Ил. Е. М. Володькиной

не виноват: всё произошло так, как и должно было произойти.

Всё нормально. Всё справедливо! Но бывает ведь, знаешь: всё справедливо, всё правильно, а тебе от этого ничуть не легче. Я возвращаюсь с работы часов около шести. Если ты зайдёшь в любой вечер, я буду очень благодарна. А если не зайдёшь, не обижусь. В конце концов, ты не обязан. И вправе просто не захотеть, как уже было однажды... Это нормально, это можно понять. Но если зайдёшь, я буду тебе благодарна. Привет жене. Надеюсь, у вас всё хорошо».

Подписи не было. Внизу стояли лишь две буквы: «Н. Е.».

Обычно я читал письма на бегу, иногда спотыкаясь и толкая прохожих. Но тут я остановился.

Кто мог называть моего отца Сергеем? Серёжей?.. И обращаться к нему на «ты»? На конверте внизу, под чернильной зелёной чертой, был, как всегда, обратный адрес. Но имени и фамилии не было, а стояли всё те же буквы: «Н. Е.».

Кто эта женщина? И почему ближе моего отца у неё никого нет и не будет? Так могла написать только мама!

Я перечитал письмо. У меня неприятно дрожали руки.

Потом я начал произвольно, шёпотом повторять последнюю строчку: «Привет жене. Надеюсь, у вас всё хорошо».

Эта фраза немного успокаивала. «Какая-нибудь общая знакомая — и всё, — убеждал я себя. — Конечно... Раз она знает маму! И пишет: “Привет жене”».

Но постепенно голос мой сам собою стал звучать как-то насмешливо, и эти слова выглядели уже

издевательски по отношению к маме. Я вспомнил, что отец употреблял слово «привет», когда хотел упрекнуть меня в чём-нибудь: «Опять принёс тройку? Привет тебе!.. Опять подсказывал на уроке?»

«Привет тебе!» Может быть, эта женщина научилась от отца употреблять слово «привет» в таком именно смысле?..

— Ты чего гудишь себе под нос? — откуда-то сверху, спускаясь по лестнице, спросил сосед.

Обычно, когда я врал, фразы у меня получались бодрыми, нарочито уверенными, чтобы никто не мог в них усомниться. На этот раз я ответил вяло:

— Учю роль...

— Тоскливую тебе какую-то роль поручили, — сказал сосед, находясь уже подо мной, этажом ниже.

Вдруг я вспомнил о втором письме. В тот день была очередь отца, и мне неожиданно захотелось, чтобы он написал какие-нибудь хорошие, ласковые слова о маме. Но отец ничего такого не писал, он выражал в своём письме много разных надежд: надеялся, что я не буду забывать о математике, а бабушка о своём возрасте... Надеялся, что мы не будем каждый день заказывать селёдку, потому что у бабушки в организме происходит вредное отложение солей и забывать об этом неразумно.

Как истинный друг школьного коллектива, он надеялся, что спортивный кружок без него не развалится.

О маме не было ни единого слова...

Это показалось мне подозрительным. Подозрительным стало казаться мне даже то, что отец всегда уходил на работу вместе с мамой и возвращался вместе с ней. В этом была, чудилось мне в тот миг, какая-то нарочитость, как в моих фразах,

когда я врал, но хотел убедить взрослых, что говорю чистую правду.

В школу я опоздал на целых пятнадцать минут. Но почему-то не стал помахивать в воздухе вскрытыми конвертами... Как назло, был урок зоологии.

— Говорят, яблоко от яблони недалеко падает, — сказал наш классный руководитель. — Это, я вижу, не всегда верно: иногда падает очень далеко. Очень!..

3

До того дня жизнь казалась мне настолько простой и ясной, что я редко в чём-нибудь сомневался. Если же сомнения всё-таки настигали меня, я почти никогда не шёл с ними к отцу и маме: советы их были такими чёткими и разумными, что до них вполне можно было додуматься самому. Эти советы легко было произносить, но им трудно было следовать: они подходили лишь для таких образцовых людей, какими были мои родители. Я не был образцовым человеком и чаще всего советовался с бабушкой.

Но в тот день я не мог к ней обратиться: всё-таки она была маминой мамой.

Иногда я советовался с Антоном. Он выслушивал меня очень внимательно. У него розовели корни волос, и это значило, что он старается глубоко вникнуть в суть моей просьбы или вопроса.

Потом он говорил:

— Я должен подумать. Это очень серьёзно.

Так как в моих сомнениях, как правило, ничего серьёзного не было, я вскоре забывал о них. А мой добросовестный друг через день или два отводил меня в сторону и говорил:

— Я всё обдумал. Мне кажется...

— Что ты обдумал? — легкомысленно спрашивал я.

Антон отчаянно заикался от чувства ответственности за решение того вопроса, о котором я успел позабыть. Это вызывало во мне раскаяние, и я выслушивал своего друга с таким благодарным вниманием, что корни его белёсых волос начинали прямо-таки пылать. Советы Антона тоже редко устраивали меня. Согласно им почти всегда нужно было жертвовать собой во имя правды и справедливости. А я жертвовать собой не любил.

Но я верил своему лучшему другу. И знал, что, если когда-нибудь меня подстережёт настоящая опасность, я приду за помощью именно к нему.

И вот опасность возникла. Я ещё не мог разглядеть ясно её лица, но я предчувствовал её. Это была, наверно, та единственная беда, с которой я не мог прийти к своему лучшему другу. И вообще ни к кому... Никому не мог я сознаться в том, что отец (мой отец!) был и будет для какой-то неведомой мне женщины самым близким человеком на свете. Он не был таким даже для мамы... Она часто повторяла, что «для истинной матери самый дорогой человек — это её ребёнок».

— Таков закон природы! — соглашался отец. Он всегда уважал законы.

Я не мог обратиться ни к бабушке, ни к Антону, и я решил сам защитить наш дом, а заодно и своё спокойствие, свою душевную беспечность, ценность которой сразу необычайно поднялась в моих глазах. Я, ничего ещё не свершивший, решил сам защитить то единственное, что отличало меня от многих и чем я гордился: образцовость нашей семьи.

Женщина писала, что приходит с работы часов около шести. В это время я и отправился по адресу, который был написан на конверте внизу, под зелёной чернильной чертой.

Я проехал две остановки на автобусе, прошёл немного пешком и остановился возле двухэтажного жёлтого домика.

Над его окнами нависли витиеватые лепные украшения, на которых, как сосуды на лицах пожилых людей, выступили толстые трещины. На таких старых домах часто, будто заплатки из другого, нового материала, сверкают мрамором и золотом мемориальные доски: «Здесь жил... Здесь бывал... Здесь родился... Здесь умер...» На этом доме доски не было, хотя, конечно, немало разных людей в нём родилось, жило и умерло.

Я долго разглядывал жёлтое, выцветшее здание, потому что вдруг оробел. И что я скажу той женщине, мне было вовсе не ясно. Всё вдруг мне стало интересно. Я разглядывал вату между оконными рамами, грязную, запыленную, с редкими кружочками конфетти: залетели, должно быть, сюда из комнаты в новогоднюю ночь. Я на всё обращал внимание: на просаленные свёртки, выставленные в форточки, на сосульки, которые нависли над окнами, тоже как украшение, только новенькое, хрустальное. Что я скажу? Как начну разговор?..

Я вспомнил почему-то цветную фотографию из журнала, которая долгие годы висела у нас на кухне, над столиком одинокой соседки: красавица в купальном костюме, опершись на весло, призывала всех жильцов нашей квартиры:

«Путешествуйте летом по рекам!» Одинокая соседка никогда по рекам не путешествовала, и

непонятно было, зачем она вырезала и повесила ту фотографию.

Заходя на кухню, отец часто останавливался возле красавицы в купальном костюме и говорил: «Она совершенно права: нет ничего разумнее отдыха на воде!» Отец соглашался с женщиной на фотографии. Это меня раздражало. Я сравнивал её с мамой и огорчался: женщина с веслом, тоже загорелая, тоже белозубая, тоже с весёлыми глазами, была всё же красивее мамы. И я всегда старался унижить красавицу: «Знаю таких! Купальный костюм наденут, а плавать не умеют. Весло возьмут, а грести не могут! Теннисной ракеткой помахивают, а в теннис ни разу в жизни и не играли...»

Прохаживаясь в нерешительности возле старого жёлтого дома, я мысленно представлял себе, как поднимусь по лестнице, как позвоню в квартиру номер семь (она, вероятно, на втором этаже), как услышу за дверью лёгкие, ничего не подозревающие шаги, как приму гордую позу, протяну письмо и спрошу: «Это вы писали?» — «Да», — ответят мне тихо.

«Вам просили его вернуть!..» — и уйду.

Но потом я решил, что так быстро уходить не стоит. Может быть, мне предстоит борьба?

А если дверь мне откроет красавица, вроде той, что коптилась у нас на кухне? И она будет красивее мамы?.. Но, конечно, она не умеет так, как мама, ходить на лыжах и плавать. Не умеет проектировать заводы, имена которых даже нельзя произносить, и поэтому они скрываются под номерами. А мама знает все их тайны! И никто, конечно, не восхищается ею так, как мамой! И расскажу ей всё о своей маме, чтоб она и не думала с ней тягаться.

Зарядившись решительностью и гневом, я взбежал на второй этаж. Письмо я держал перед собой... Так жильцы нашего дома, у которых мы нечаянно выбивали стекла футбольным мячом, прибегая к нашим родителям, всегда торжественно держали впереди себя этот самый футбольный мяч: он был главным свидетелем обвинения.

На двери квартиры номер семь висел список жильцов.

«Н. Емельяновой — 3 звонка», — прочитал я. Н. Емельяновой? Что за странное совпадение? Так, может быть, она просто папина родственница? Двоюродная сестра, например?

А я о ней ничего не знаю... Забыли мне рассказать о ней — что ж тут такого? Может быть, у неё нет ни родителей, ни мужа, ни ребёнка и — поэтому мой отец — самый близкий для неё человек? Это вполне возможно. Конечно, это так и есть!

Злость моя сразу прошла. И как тот же футбольный мяч, из которого вдруг с шипением вышел весь воздух, я сразу сник, присмирел. Спрятал письмо в карман. Но потом вытащил обратно: я вспомнил, что у женщины этой случилась беда. Странно, но ни разу за весь день я не подумал о строчках, которые были в письме главными, ради которых и было написано всё письмо: «Мне сейчас очень худо, Серёжа. Хуже, чем было в тот мартовский день... Со мной случилась беда».

Что за мартовский день? Наверно, в тот день кто-то умер.

Или она тогда провалилась на экзаменах, а сейчас кто-нибудь умер... Ведь она пишет, что теперь ей ещё труднее.

А зачем я тогда пришёл? Просто скажу, что отца нет в Москве, и всё. Чтоб не ждала.

Я вновь спрятал письмо и позвонил. За дверью слышались стремительные, нетерпеливые шаги, к двери почти бежали.

Эти три звонка были долгожданными. Но ждали, конечно, не меня.

Открыла женщина. В коридоре и на лестнице было полутемно.

— Ты к кому, мальчик? — не сразу, как будто сдерживая разочарование, спросила женщина. И странно было, что это она только что бежала по коридору: вид у неё был усталый.

— Мне к Емельяновой...

— Ты от Шурика?! — вскрикнула женщина. Но вскрикнула еле слышно, как бы про себя. И ещё раз повторила уже совсем тихо, с надеждой, боящейся обмануться: — Ты от Шурика?

— Нет... я по другому вопросу...

4

Войдя в комнату, я вздрогнул и застыл на месте, потому что увидел отца...

Никогда ещё я не видел его таким. Он смотрел на меня не своим обычным спокойным или уверенно-жизнерадостным взглядом, а глазами растерянными, словно ищущими чьей-то помощи. И волосы его не были аккуратно зачёсаны назад (иногда по утрам он даже натягивал на голову сетку, чтобы ни один волосок не нарушал порядка) — нет, волосы его беспорядочно толпились, спадали на лоб и на уши, которые показались мне очень большими, потому, должно быть, что лицо было худым и узким. На щеках были даже неглубокие ямочки, которых я никогда раньше не замечал.

И одет он был совершенно неузнаваемо... Не было на нём василькового тренировочного свитера («Из чистой шерсти!» — объяснил мне однажды отец), не было белоснежной рубашки и безукоризненно завязанного галстука, не было добротного костюма с редкими, еле заметными белыми полосками на тёмном фоне, а была какая-то помятая косоворотка¹ с незастёгнутыми верхними пуговицами. Косоворотка морщилась, потому что была велика для отцовской шеи, которая никогда прежде не казалась мне такой беззащитно-тонкой.

А на другой фотографии отец был в солдатской гимнастёрке, которая тоже была ему велика. На бритой голове сидела пилотка со звёздочкой. А взгляд был безрадостным, горьким.

— Это я получила в сорок первом году, с фронта. Тогда было очень плохо... — неожиданно произнесла женщина.

Голос у неё был мягкий, успокаивающий, как у врачей и медсестёр, которые однажды лечили меня в больнице.

Слова «тяжело» и «плохо» они произносили так, будто знали, что очень скоро всё будет легко и хорошо. Грустные слова эти звучали у них без малейшего намёка на безнадежность.

Она не могла понять, почему я так долго и пристально разглядываю фотографии на стене. Но не спрашивала меня об этом.

И тогда я сказал сам:

— Это мой отец.

Она подошла ко мне совсем близко и стала молча, внимательно смотреть мне в лицо, как это

¹*Косоворотка* — мужская рубашка со стоячим воротом, застёгивающимся сбоку.

делают люди, страдающие близорукостью. В их откровенном разглядывании не ощущаешь ничего бестактного или бесцеремонного.

Тут и я получше рассмотрел её. Она и правда была близорука: очки с толстыми стёклами, казавшиеся мне мужскими, не вполне помогли ей — она прищуривала глаза. Трудно было определить, сколько ей лет: лицо было бледное, утомлённое, но что-то, какая-то деталь внешности упрямо молодила её. Потом уж я понял, что это была толстая тёмная коса, как бы венчавшая её голову тугим кольцом.

Когда отец знакомил меня со своими приятелями или сослуживцами, те обязательно говорили:

— Папин сын! Похож. Очень похож!.. От такого не откажешься!

Или что-нибудь вроде этого. Хотя на самом деле я был похож на бабушку, на мамину маму.

Женщина долго рассматривала меня, но не сказала, что я похож на отца. А просто спросила:

— Это отец прислал тебя?

— Моих родителей нет. Они уехали в командировку.

Мне захотелось подчеркнуть, что отец и мама уехали вместе. Но слова «мама» я при ней произнести не смог и поэтому сказал: «Родители».

— Надолго они уехали?

— Года на полтора, — неожиданно для самого себя соврал я. А потом ещё добавил: — Или на два... Как там получится. — И, чтобы скрыть своё смущение, стал подробно объяснять: — А тут ваше письмо пришло. Я утром полез в ящик, думал — от отца, а это от вас... Я его прочитал — и сразу решил...

Тут только я подумал о том, что чужое письмо читать не полагалось, и споткнулся, замолк. Но лишь на полминуты.

А потом от нараставшего смущения стал объяснять ещё подробнее:

— У нас с отцом одинаковые имена. А на лестнице по утрам темно, плохо видно. Я не разобрал сперва, кому написано... Вижу: Сергею Емельянову. Я и подумал, что мне. Потом вижу: не мне. Но поздно уже было...

Я протянул ей письмо, которое успел выучить наизусть.

От этого оно выглядело старым, помятым архивным документом.

— Ты, значит, тоже Сергей? — переспросила она. — В честь отца? Это можно понять. Отец у тебя замечательный. Он много вынес... Особенно в юности. Видишь, какой худой. Заочно учился, работал. Потом добровольцем ушёл на фронт. Я не хотела, просила его остаться, а он ушёл. Был опасно контужен. Я долго его лечила...

— Вы доктор? — спросил я.

— Да... У него была жестокая бессонница. Спасти его мог лишь спорт. Ещё режим дня, дисциплина... Долго я с ним сражалась. Сейчас он нормально спит?

Отец часто с гордостью говорил, что спит, как богатырь, и даже снов никогда не видит. «Какие нынче показывают сны? — шутил он. — Цветные, широкоформатные?» Но я почему-то не решился сообщить ей об этом. И сказал:

— Спит так себе. Как когда...

Прощаясь, она не просила меня передавать отцу привет, не говорила, чтобы он, когда приедет, зашёл к ней.

— Как вас зовут? — спросил я уже в дверях.

— Ниной Георгиевной, — ответила она. И улыбнулась: — Лучше поздно, чем никогда. Хотя это можно понять: мы оба с тобой смутились...

«Она была женой отца, — думал я, возвращаясь домой. — Она не сказала об этом, но я уверен. Здесь, в этом стареньком жёлтом доме, отец был худым и страдал бессонницей.

Учился... Заочно, после работы. Наверно, она ему помогала...

Отсюда ушёл на фронт и сюда же вернулся. Она его лечила...

Но почему мне об этом никто никогда не рассказывал? Почему?! Даже бабушка, с которой мы так часто обменивались тайнами. А может, она сама ничего не знает?»

Я слышал, как однажды, в день годовщины свадьбы моих родителей, отец поднял тост за свою первую любовь. То есть за маму... Значит, эту женщину он не любил?

Дома я спросил у бабушки, которая перечитывала Стивенсона или Вальтера Скотта (это были её любимые писатели):

— Бывает так, что первая любовь приходит потом?.. Человек уже женат, а первая любовь ещё не пришла... Так бывает?

— Пардон, я об этом уже забыла. Вот приедет отец — у него и спроси.

— Почему у отца?

Бабушка как-то резко оторвалась от своих любимых приключений, от которых отвлечь её было не так-то легко, и взглянула на меня серьёзно, без своей обычной лукавой улыбки. Конечно, она всё знала.

Я смотрел на отца, хохотавшего со стены. На лице у него не было ямочек, шея не была уже худой и беззащитной... Мне вдруг стало неприятно смотреть на эту фотографию.

Хотя ведь она сама сказала, что мой отец — замечательный человек. Сама сказала!..

[Глава 5 опущена.]

6

Однако, подходя к жёлтому двухэтажному домику, я почему-то вновь забыл о её беде. Я думал только, как бы мне потактичнее узнать, из-за чего они расстались с отцом. Как об этом спросить? Может быть, так: «Из-за чего вы перестали быть вместе?» Эта фраза заставила меня поёжиться: трудно было представить себе, что отец был вместе с кем-нибудь, кроме мамы. Лучше спросить просто: «Из-за чего вы развелись?» Или: «Из-за чего разъехались?» Все эти фразы мне как-то трудно и непривычно было произносить...

— Вы поссорились с отцом, да? — спросил я.

Она улыбнулась:

— Не ссорились и не дрались... Просто так получилось. Я ведь гораздо старше Сергея... Всё это можно понять.

Я с радостью вдруг подумал, что мама на целых семь лет моложе отца. Должно быть, лицо моё, помимо воли, на миг выразило эту радость. Нина Георгиевна с чуть заметным удивлением поправила очки. И тогда я, чтобы загладить свою вину, слишком уж громко, с грубо подчёркнутым сочувствием спросил:

— У вас какая-то беда случилась?

Ей не хотелось отвечать на такой вопрос. Она и не ответила. А просто подошла к фотографии, на которой был изображён мальчишка лет трёх или четырёх в матроске с серебряным словом «Витязь» на ленте, и стала рассказывать как будто самой себе:

— Когда это случилось, я взяла мальчика из детского дома. Ему было два с половиной года. Он потерялся на войне... Сейчас ему пятнадцать лет и семь месяцев.

Она, конечно, очень любила этого мальчишку, если называла его возраст так точно, по месяцам. Мама тоже так именно говорила о моём возрасте. А отец будто старался сделать меня чуть постарше: «Ему двенадцатый! Ему тринадцатый!»

Тогда я сердился на маму за её точность — ма-нера отца больше устраивала меня: я хотел в ту пору скорей повзрослеть.

В коридоре раздался звонок. Нина Георгиевна побежала открывать с той неожиданной для неё быстротой, которая уже удивила меня накануне. Я даже не успел сказать ей, что в дверь звонили всего один раз. Я сказал это, когда она вернулась.

— К вам ведь три звонка...

— Я знаю, — мягко перебила она меня. — Я только вижу плохо, а слышу пока хорошо. — И продолжала рассказывать как бы самой себе: — Недавно нашлись его родители. Так и должно было случиться... Это нормально.

Она не могла больше рассказывать.

Чтоб прекратить молчание, я тихо спросил:

— Его Шуриком зовут?

— А ты откуда знаешь?

— Вы вчера подумали, что я от Шурика... Когда открыли дверь.

— Да... он уехал к своим родителям. Они остановились за городом, у родных. И всё не приезжает... Я знаю адрес. Но ехать нельзя: может быть, родители хотят, чтоб он к ним привык. Это нормально. Это можно понять...

Снова раздался один звонок. И снова она побежала открывать.

А вернулась обратно совсем без сил: ей нелегко было ждать. Она опустилась на диван. И стала говорить, но уже не рассказывать, а как бы рассуждать сама с собой, будто меня и не было в комнате:

— Тогда, много лет назад, мне было трудно. Но сейчас ещё хуже... Всё-таки он был моим сыном. А теперь оказалось, что он не мой. Вторая потеря в жизни... Тогда я была ещё молодой, были надежды. А теперь ничего уже нет. Приговор окончательный: одиночество.

— Хотите, я съезжу? Туда, за город... И привезу его! Хотите?

Она вздрогнула, будто удивившись, что я слышал её слова.

— Никого привозить не надо. Кто хочет, сам приезжает... Ты согласен?

Я был согласен, но не сказал ей этого. А сказал совсем другое:

— Вы не будете одна, Нина Георгиевна! Хотите, я буду к вам приходить? Хоть каждый день... Честное слово! Хотите? Хоть каждый день!

7

Желая утешить человека, порой обещаешь ему то, что потом невозможно выполнить. Или почти невозможно.

«Как же я буду ездить к ней каждый день? — рассуждал я, вернувшись домой. — Сейчас ещё ничего... А потом, когда вернутся мои родители?»

Если мне нужно было преодолеть какую-нибудь трудность, я начинал убеждать самого себя в том, что делать это совершенно необязательно и даже вовсе не нужно. Так было и сейчас.

Я начал рассуждать: «Ведь я же не сказал ей твёрдо и уверенно, что буду приходить, а просто задал вопрос: “Хотите, я буду к вам приходить?” И она мне ничего не ответила — ни “да”, ни “нет”. А ведь если б она хотела, то обязательно бы сказала: “Приходи! Приходи, пожалуйста! Я так буду тебя ждать!” Она ничего этого не сказала. А я возьму и без всякого приглашения буду ходить? И потом, вообще...

Когда я сказал “хоть каждый день”, это же было, как говорит наша учительница литературы, “сознательное преувеличение, гиперболическое заострение”. Она это, конечно, поняла... А я вдруг залажу ходить, будто никакой гиперболы вовсе и не было!»

Одним словом, я убедил себя, что ходить каждый день не нужно.

Но на следующий день пошёл...

Дверь мне открыл парень лет пятнадцати. Увидев его, я поправил свою шапку-ушанку, которая одним ухом всегда упрямо сползала мне на лицо, и, хоть был не на улице, застегнул пальто на все пуговицы. Парень был аккуратный, прибранный. И красивый.

У него были волнистые светлые волосы, зачёсанные набок, голубые глаза и нежные, розовые щёки.

Вежливо и даже ласково спросил он, кого мне нужно.

Я терялся и благоговел перед мальчишками, которые были всего на два или на три года старше меня, гораздо больше, чем перед взрослыми людьми. Особенно я робел перед теми, которые были не похожи на меня, в которых я чувствовал превосходство. Я и тут оробел и чуть было не забыл имя-отчество Нины Георгиевны.

— Заходи, пожалуйста, — сказал парень.

Он пропустил меня вперёд. Я прошёл в конец коридора и постучал в последнюю дверь. Парень удивлённо посмотрел на меня: откуда я знаю, куда стучать? Но ничего не спросил.

Он гостеприимно распахнул передо мной дверь — и я вновь увидел отца... И опять застыл на пороге. Но парень не торопил меня. Наконец он сказал, не поняв причины моего замешательства.

— Не стесняйся. Заходи, пожалуйста. Она скоро придёт.

Мне казалось, он научился мягкости и вежливости у Нины Георгиевны.

Я вошёл. Книжный и платяной шкафы были раскрыты, на полу стоял чемодан с откинутой крышечкой. Проходя мимо, я заглянул в него: там, на дне, лежал пёстрый свитер и несколько книг.

— Раздевайся, пожалуйста. И садись на диван, — сказал парень. — Чтобы не было скучно ждать, почитай книгу.

Не глядя, он вынул из шкафа и бросил на диван толстый том. Это был сборник медицинских статей.

— Разденься, здесь очень жарко, — заботливо повторил он.

Я посмотрел на его отглаженный костюм, на клетчатую рубашку с отложным воротником без единой морщинки, вспомнил о том, что сегодня на

большой перемене посадил два свежих чернильных пятна на свою помятую курточку, и не стал раздеваться.

— Не обращай на меня внимания. Я должен собраться, — сказал он. И стал заполнять чемодан.

Книги стояли на полках плотно, одна к другой, словно в строю. Он вытаскивал некоторые из них, и ряды редели, в них образовались просветы.

Иногда он задумывался:

— Не помню, моя или нет. Кажется, это мне подарили. Сделали б надпись, всё было бы ясно.

Один раз он повернулся ко мне и сказал:

— С вещами легче: там уж не перепутаешь.

Он стал складывать в чемодан рубашки, трусы, майки.

Каждую вещь он предварительно разглядывал, словно был в магазине и собирался её покупать, разглаживая рукой.

Отдышавшись немного, я подумал, что глупо сидеть на диване в застёгнутом на все пуговицы пальто и молчать. И я спросил то, в чём был совершенно уверен:

— Ты Шурик?

Он снова повернулся ко мне:

— А тебе это откуда известно? На лбу у меня вроде ничего не написано. — он потрогал свой лоб. — А тут написано: «Витязь».

Он указал на фотографию мальчишки лет трёх или четырёх, в матроске и бескозырке.

— Я был здесь вчера. Нина Георгиевна мне сказала... Она очень ждала тебя.

Лицо его стало строгим и даже печальным.

— Она меня очень любит, — уверенно сказал он. — И я её тоже очень люблю. Хотя она стран-

ный человек. Не от мира сего, то есть не от того, в котором мы с тобой проживаем. Добрая очень... И меня бы испортила своей добротой, если бы я не оказывал сопротивления. Это было мне нелегко, — он вздохнул, словно бы жалея себя за то, что к нему были слишком добры. — У нас даже бывали конфликты. Сейчас, когда я узнал своего отца, я понял, что во мне от рожденья — отцовский стержень. Это меня и спасло.

Он продолжал укладывать вещи.

— Я должен был выбрать. У человека не может быть двух матерей. Тем более что родители мои живут в другом городе. Значит, разлука с Ниной Георгиевной неизбежна. Они ведь тоже очень любят меня. Пятнадцать лет ждали, искали повсюду. Значит, я должен исчезнуть из этого дома и не напоминать о себе. Так Нине Георгиевне будет гораздо легче. Если собаке хотят отрубить хвост, это надо делать в один приём. Так сказал мне отец. А есть, говорит он, добрые люди, которые рубят хвост в десять приёмов, по кусочкам. И думают, что так благороднее. Поэтому я и не приходил... Сейчас вот уйду, а потом напишу письмо. Прощаться с глазу на глаз — это невыносимо.

Я не понимал, почему он мне всё это говорит.

А он продолжал:

— Мои родители очень благодарны Нине Георгиевне. Хотя и в детском доме мне было бы хорошо: у нас в стране сироты не погибают. Но в домашних условиях, разумеется, было гораздо лучше. Это даже сравнить нельзя. Мои родители хотели на работу ей написать, официально поблагодарить. Но она категорически отказалась. Не от мира сего!..

Я подумал, что его никак нельзя было бы обвинить в «нечёткости». Он, видно, любил поговорить, и все его фразы были обдуманными, какими-то чересчур завершёнными. Он твёрдо знал, что Нина Георгиевна его очень любила. Он твёрдо знал, что она могла погубить его своей добротой, но что сироты у нас в стране не погибают. Он был уверен, что родители тоже его очень любили. И что внутри у него — отцовский стержень. Он не сомневался, что хвост надо рубить в один приём.

Нину Георгиевну он чётко называл Ниной Георгиевной, хотя раньше (мне это неожиданно пришло в голову), конечно, называл её мамой. Он ни разу не сбился, не назвал её так, как раньше.

И всё же иногда я улавливал в его голосе еле заметное желание что-то объяснить, оправдаться. Поэтому-то, наверно, он и рассказывал мне то, о чём я его вовсе не спрашивал.

— Думаешь, мне нужны эти рубашки и книги? Родители купят мне новые. Я просто не хочу, чтобы они напоминали Нине Георгиевне обо мне. Ей это будет так тяжело... Лучше уж сразу исчезнуть, лучше один раз пережить — и больше не вспоминать. Вот посмотри, на обратной стороне крышки написано: «Шурик Емельянов, второй отряд». Я с этим чемоданом ездил в пионерлагерь, когда был таким, как ты. Она же будет эти слова читать и перечитывать. А зачем? Лучше я заберу чемодан.

У нас с ним была одна фамилия. Это мне не понравилось.

И ещё я заметил, что от висков у него, словно свалявшийся войлок, свисали белёсые космы, которые он ещё не брил. И от этого его красивое лицо сразу стало казаться мне неприятным.

Он подошёл ко мне, взял за плечи и тоном заговорщика произнёс:

— Тебя как зовут?

— Сергеем.

— Помоги мне, Сергей! Дождись Нину Георгиевну. Она скоро придёт: у неё день родительских консультаций. Скажи, что я очень переживал, что я мысленно с ней прощался. Расскажи, как живой свидетель... Тебе всё равно надо её дождаться! Ты ведь на домашнюю консультацию?

— На какую?

— Как — на какую? Ты разве не пациент? Не из нашей школы?

— Нет, я из другой...

— Ничего не пойму! Я был абсолютно уверен, что ты на домашнюю консультацию...

— На какую консультацию? — снова спросил я.

— Она же в моей школе врачом работает. То есть в моей бывшей школе. И дополнительные консультации устраивает: родителям и ребятам. В школе и даже дома... Сознательность на грани фантастики! Иногда, бывало, просто отдохнуть невозможно: придёт какой-нибудь охламон из «неполной средней» и раздевается тут до пояса, дышит, как паровоз, то носом, то ртом. В общем-то, это, конечно, заслуживает величайшего уважения. Только никто ей спасибо ещё не сказал. Я, по крайней мере, не слышал. А ты-то зачем пришёл?

— Я по другому вопросу.

— По вопросу? Не буду вдаваться в подробности: некогда. Жаль, что ты не из нашей школы: хотел оказать небольшую услугу. Ответную, так сказать!

— Какую? — любопытствовал я.

— Да зачем же тебе, раз не из нашей школы? Хотел вспомнить о шалостях раннего детства...

Он махнул рукой, словно бы стыдясь несолидных детских воспоминаний. Но всё-таки стал вспоминать:

— Она ведь почти ничего не видит. И вежлива очень.

Даже если не верит, не решается этого показать, чтоб не обидеть. «Не ранить!» — как она говорит. Ребята, конечно, этого не знали. Ну а я подсказал им по-дружески: если, мол, хотите смываться с уроков, делайте это законно, по всем правилам. Подсказал им, что если сесть от неё хотя бы на расстоянии трёх шагов, взять градусник и потихоньку настукивать температуру, она ничего не заметит. У нас, помню, целыми классами настукивали. Особенно перед контрольными. На школу, так сказать, обрушивалась эпидемия! А она ничего не замечала... И выписывала справки, освобождала от занятий. Смешно вспомнить! Заблуждения молодости... Я хотел на прощание сослужить тебе службу. Как говорится, услуга за услугу. К сожалению, ты не сможешь воспользоваться.

Он как-то торжественно и неторопливо согнул руку в локте, рукав пиджака сморщился, полез вверх, и я увидел у него на руке красивые плоские часы.

— Отец подарил, — между прочим сообщил он. И сразу заторопился: — Мне пора! Скоро Нина Георгиевна вернётся.

Очень хочется её увидеть, но разговор принесёт ей только расстройство. Лучше потом напишу письмо.

Он вернулся к своему чемодану. Стал закрывать крышку, но она не захлопывалась до конца: то вылезал кончик рубашки, то высовывались трусы.

Тогда он сел на крышку и так, сидя на ней, закрыл чемодан на ключ. Но синие трусы всё же продолжали торчать...

На прощание Шурик ещё раз повернулся ко мне:

— Очень хорошо, что ты здесь оказался. Я потом напишу Нине Георгиевне. А ты скажи, что я очень переживал. Это правда. Я ведь люблю её. И многим обязан... Но если нашлись родители? Я ведь не виноват.

8

«И этот её покинул», — мысленно сказал я себе, когда за Шуриком захлопнулась дверь.

Но он тут же вернулся. Я подумал, что он всё-таки хочет её дождаться.

Шурик положил на стол два ключа и сказал:

— Передай ей, пожалуйста. Вот этот, английский, от парадной двери... Впрочем, она знает. Теперь мне не будет пути: вернулся.

«Пусть не будет...» — подумал я.

Боясь встретиться с ней по дороге, он удалился почти бегом, припадая на правую сторону: руку оттягивал чемодан.

Он удирал...

Я смотрел на мальчишку в матроске и бескозырке с серебряным словом «Витязь»...

«Витязь! — думал я. — Рыцарь! Исчезнуть... Так ей будет легче! И в детском доме было бы хорошо... У нас в стране сироты не погибают... Всё правильно. Всё абсолютно точно».

Я представлял себе, как много лет назад Нина Георгиевна купила ему этот нарядный матросский костюмчик, как долго причёсывала его перед тем, как повести к фотографу: из-под бескозырки продуманно выбивались светлые волнистые волосы. Но часы она ему купить не успела.

Шурик и мой отец были на стене почти рядом. Это было мне неприятно. «Они ведь такие разные, — говорил я себе. — И совсем по-разному ушли из этой комнаты, из этого дома».

Я был в этом уверен, хотя не знал в подробностях, как ушёл мой отец. Память, словно желая поспорить со мной, вновь и вновь злонамеренно возвращала меня к строчкам письма Нины Георгиевны, которые были мне непонятны: «А если не зайдёшь, не обижусь. В конце концов, ты не обязан. И вправе просто не захотеть, как уже было однажды...»

Стукнула парадная дверь. В коридоре раздались шаги — снова быстрые, неусталые: она спешила, она думала, что он ждёт её. Тем более что, убегая, Шурик неплотно закрыл дверь, и в коридор выбивалась полоска света.

Я схватил ключи, лежавшие на столе, и сунул в карман пальто. Я сделал это необдуманно и лишь потом понял зачем: эти оставленные на столе ключи говорили о чем-то окончательно непоправимом.

Не веря своим близоруким глазам, Нина Георгиевна обошла комнату. И, даже не поздоровавшись со мною, спросила:

— Спрятался?.. — Вполголоса, доверительно она сообщила мне: — Это привычка у него с детства. Закрылся в шкафу?

Она распахнула платяной шкаф. Должно быть, раньше вещи Шурика заполняли шкаф целиком: теперь он был почти совершенно пуст.

Нина Георгиевна присела на стул. Так мы сидели с ней друг против друга, в пальто, застёгнутых на все пуговицы.

— Он был? — спросила она.

Я кивнул.

— А сейчас?

— Он ушёл... Он сказал, что напишет письмо.

Она сгорбилась, пригнула голову. Мне показалось, что Шурик ударил её тем самым отцовским стержнем, который был у него внутри.

Из-под шапки не было видно её тёмной косы, и поэтому ничто не молодило её лица: оно было бледным, измученным.

Чтоб успокоить её, я сказал:

— Шурик будет писать вам... Вы будете с ним переписываться!

— Он должен был выбрать, — сказала она. — И выбрал мать и отца. Это нормально. Это можно понять.

И тут со мной произошло что-то странное. Я не мог усидеть на диване. Почему она всегда «может понять» тех, кто приносит ей горе? Почему считает «нормальным» всё плохое и несправедливое, что случается с ней? Мне уже не хотелось больше успокаивать её. И я не заговорил — я закричал:

— Ваш Шурик — предатель! Он предавал вас. Он использовал то, что знает о вас... Как предатель! Теперь уже я ударил её.

Она сняла очки, словно думала, что они обманывают её, что это не я кричу на всю комнату. Я увидел её глаза — прищуренные, близорукие,

беззащитные. Но во мне не было жалости. Наоборот, мне хотелось взбудоражить её, возмутить, сделать так, чтоб она закричала в один голос со мной. Хотя продолжал я уже не так громко, как начал. Но всё-таки упрямо продолжал:

— Он рассказал своим дружкам, что вы плохо видите. И что вы добрая... Они обманывали вас. Настукивали температуру... Чтоб убежать с уроков. Это он подучил их! А вы им верили.

Она сгорбилась ещё сильнее, ещё ниже пригнула голову.

И взглянула на меня исподлобья — очень странно, будто осуждая за то, что услышала. Осуждая не Шурика, нет, не Шурика, а меня.

Не поняв этого взгляда и испугавшись, я стал утешать её:

— Это было давно. Когда Шурик был ещё маленьким... Он просто не понимал. Был ещё незнательным! А сейчас ему стыдно. Он сам сказал мне... Честное слово! Не верите?

Я защищал Шурика, хотя она его ни в чём не упрекала.

Я как бы извинялся за то, что посмел обидеть его.

Она не слушала меня. Она разговаривала сама с собой:

— Это можно понять. Это нормально... Я ведь не детский врач, я невропатолог.

Стало быть, она осуждала не только меня, но и саму себя.

Всех, кроме Шурика. Это было непостижимо. Она продолжала:

— Значит, я не имею права лечить детей. Я их люблю! Ну что ж, тем более не имею права... Они обманывали меня? Значит, не уважают.

— Что вы! Что вы?! — я замахал руками. — Это взрослые, когда уважают, то не обманывают. А мы всё равно обманываем. Не верите? Честное слово!

Она не слушала, а я настаивал на своём:

— Так бывает. Честное слово! Вот мы, например, очень уважаем учительницу литературы. Мы даже любим её! Недавно она спрашивает в начале урока: «Я вам задавала домашнее сочинение?» А мы все хором орём: «Не задавали!» Она говорит: «Склероз начинается: всё позабыла». А у неё никакого склероза нет. Просто мы ей наврали. Вот видите: уважаем, а всё равно наврали! С нами это часто бывает. Не верите? Честное слово!

Казалось, я тоже разговаривал сам с собой: слова мои до неё не доходили. Она продолжала размышлять:

— Он так поступил ради друзей. Это можно понять. А я?.. Не должна я работать в школе. Я люблю ребят, но, видно, не очень-то в них разбираюсь. И не очень умею лечить. Это главное. Сейчас, посреди учебного года, уйти нельзя. Но до лета надо будет обдумать... Это мне ясно.

Что было делать? Я не смел рассказывать ей об этих проклятых градусниках. Не имел права!..

Она подошла к стене, сняла фотографию Шурика. И прижала её к груди. И погладила рамку. После всего, что я ей рассказал...

9

Из моей жизни ушла беспечность. Я был уже не таким счастливым, как раньше. Потом, став взрослее, я понял, что беспечное счастье вообще выглядит жестоким и наглым, потому что ещё далеко не все люди на свете счастливы. Мне казалось, что

у меня изменилась походка, что я стал двигаться медленнее, словно отяжелев. На самом деле ходил я всё так же быстро («летал», как говорила мама), — немного отяжелела моя голова: я стал чаще задумываться. И даже стал упрекать самого себя, чего прежде никогда со мной не случалось.

Целый вечер в тот день я мучился. «Зачем было рассказывать об этих несчастных градусниках? Думал, что она сразу возненавидит Шурика? Не мог вытерпеть этих её “можно понять”, “всё нормально”. А если она бросит школу? Вполне на неё похоже!» Этого я не мог допустить! Казалось, отец, уйдя из того дома, доверил мне обязанность защищать Нину Георгиевну. Или, вернее сказать, переложил на меня эту обязанность. И я уже не мог от неё освободиться.

То и дело я мысленно сравнивал отца с Шуриком, чтобы убедиться, что между ними нет ничего общего. «Шурик предал её! А отец вовсе не предавал! — объяснял я себе. — Мало ли людей расходуется на белом свете? Разве все они виноваты?»

Так или иначе, но теперь, кроме меня, у Нины Георгиевны никого не было. Да и меня у неё тоже не было, потому что мы с ней ещё не стали друзьями.

Известно, что истина, даже старая, приходя к человеку впервые, кажется ему открытием. В тот день я окончательно убедился, что материнская любовь не слушает доводов и переубедить её невозможно. Я и прежде не раз думал об этом.

Давным-давно я вычитал где-то, что родители любят неудачных детей ещё сильнее, чем удачных. Теперь я спросил об этом у бабушки.

— Ты можешь судить по себе, — сказала она. — Кто ещё получает письма от родителей так часто, как ты?

Бабушка, как обычно, шутила. В том, что отец и мама любили меня, не было, конечно, ничего странного. Я был уверен, что это ни у кого не могло вызвать удивления...

А Нина Георгиевна? Когда я рассказал ей о Шурике, в её глазах была неприязнь ко мне. Захочет ли она теперь меня видеть? Но всё равно я не мог оставить её одну...

«А что это значит — оставить одну? — раздумывал я. — Возле человека, попавшего в беду, могут находиться десятки людей, а он всё-таки будет один, если эти люди не нужны ему, если он не считает их своими друзьями. Нужен ли я Нине Георгиевне? Если даже не нужен, я всё равно не могу не прийти к ней сейчас. Но как это сделать? Если б мы были друзьями, всё было бы очень просто: чтобы явиться к другу, не нужен повод — можно зайти, когда захочется, просто так, без всякого приглашения. А как я явлюсь к ней после того разговора?»

Мне нужен был повод. И я начал его искать.

Обычно я без труда находил выход из трудного положения.

— Это потому, что у тебя диктаторские замашки, — говорила бабушка. — Ты убеждён, что цель оправдывает любые средства. А так всегда легче действовать: руки не связаны.

Я и правда мог притвориться, наврать, разыграть кого-нибудь, если это мне было нужно. Действовать так было в самом деле и проще, и веселее. Впрочем, мои обманы и розыгрыши были не очень серьёзны, как и цели, ради которых я их совершал.

Теперь, быть может, впервые в жизни, я попал в сложную, необычную ситуацию, но мысль моя, не

желая с этим считаться, устремилась в привычном для неё направлении.

Я должен был отыскать причину, которая бы позволила мне вновь подняться на второй этаж старого жёлтого домика. Одновременно мне хотелось доказать Нине Георгиевне, что она может работать в школе. Два этих замысла вполне можно было объединить. Я обращаюсь к Нине Георгиевне за медицинской помощью! Пусть спасёт какого-нибудь мальчишку от серьёзного, очень опасного заболевания. «Хорошо бы, от смертельного!» — мечтал я. Но кого спасти? Какого мальчишку? «Лучше всего пусть спасёт меня! — внезапно решил я. — Ну конечно: меня самого!»

Я быстро составил план действий. И ночью приступил к его выполнению. Да, именно ночью!

Мне очень хотелось спать, но я встал, разбудил бабушку и сказал:

— У меня жестокая бессонница...

— Пардон, какая?

— Ну, очень тяжёлая... Наверное, это законы наследственности!

— Со сна не пойму: какие законы?

Тут я вспомнил, что бессонница была у отца там, в двухэтажном домике, но бабушка могла об этом не знать: в нашей квартире отец спал «богатырским сном». Я сказал:

— Может быть, дедушка или прадедушка этим страдали?

— Один из двух твоих дедушек был, помнится, моим мужем. Он спал превосходно. Другого дедушки я не знала, но если судить по отцу...

— Да... конечно... Он спит богатырским сном. Но я не сплю уже третью ночь.

— Не смыкаешь глаз?

— Смыкаю. Но ненадолго...

— Ну-с, всё понятно. Только рано это у тебя началось.

— Я знаю... Обычно не спят старики?

— Осторожней насчёт стариков! Я имею в виду другое: ты влюбился? Как же, припоминаю: на днях ты спрашивал что-то о первой любви.

— Чтобы я из-за этого?.. Никогда в жизни! Я чувствую, что немного болен... И хочу обратиться к врачу. Мне сказали, что есть один доктор. Кажется, женщина... Она лечит людей от бессонницы. Я схожу к ней.

— В последнее время ты вообще много ходишь, — сказала бабушка. — Я не стесняю твою свободу. Но свобода приносит людям прогресс, а тебе, кажется, одни только двойки.

— У меня нету двоек.

— Так будут, — пообещала бабушка.

— Из-за бессонницы я могу вообще остаться на второй год! А эта женщина замечательно лечит. У себя дома... И совершенно бесплатно! Ты только должна будешь написать ей письмо. Хоть несколько строк: «Благодарю за спасение внука!..» Или что-нибудь вроде этого. Ей будет очень приятно.

— Ты увлекаешь меня в авантюру. Но я очень слаба... — сказала бабушка, вновь дряхлея у меня на глазах. — Я очень слаба и не в силах с тобой бороться. Можешь идти к врачу. К профессору! К гипнотизёру! Лечись! Выздоровливай!.. Только не мешай мне спать: я приняла две таблетки снотворного.

— Так, может быть, эта дурная наследственность от тебя?! — радостно воскликнул я.

— Пардон, ты мне надоел.

Бабушка, как всегда, готова была не мешать мне. И даже помочь. Но я ещё долго вздыхал, ворочался, два раза вставал и громко пил воду, чтобы она всё-таки слышала, как я страдаю.

На другой день после уроков я решил поехать к врачу.

По дороге к автобусной остановке я репетировал свой предстоящий разговор с Ниной Георгиевной. Я всегда репетировал перед тем, как кого-нибудь разыграть. Мне нужно было заранее подготовить ответы на все возможные удивления, вопросы, недоумения.

Но на этот раз репетиция явно срывалась. Те фразы, которые обычно получались у меня такими круглыми, бойкими, нарочито уверенными, сейчас звучали неубедительно и даже нелепо. Я мысленно выступал и от имени своей собеседницы. Слова её становились всё резче, всё злее. Она не была уже похожа на Нину Георгиевну. А разговор продолжался. Я слышал его как бы со стороны — и один из собеседников мне был неприятен: этим собеседником был я сам.

— Вы садитесь? — раздался сзади нервный, подталкивающий голос: подошла моя очередь садиться в автобус.

— Нет, я не еду... — ответил я.

И поплёлся домой. Я был в растерянности. Не понимал: что же произошло? Почему я не смог выполнить свой план, который ещё недавно казался мне таким удачным и остроумным?

И только сейчас, когда прошли годы, я понял: от меня уходило детство. Уходя, оно предлагало мне помощь, которой я уже не мог воспользоваться...

Обмануть Нину Георгиевну я не смог.

Но я должен был доказать, что действительно верю ей как врачу. И что она умеет лечить детей!..

«Должен любой ценой!» — сказал бы я раньше. Теперь любая цена не подходила: я был, как говорят, ограничен в средствах. Действовать в этих условиях было труднее.

Как достичь своей цели без розыгрыша и обмана? И вдруг я поразился самому себе: какой же я недогадливый идиот! Зачем было будить ночью бедную бабушку, если есть на свете Антон? Антон, которому в самом деле надо вылечиться от застенчивости, нерешительности и даже от заикания! А ведь Нина Георгиевна по профессии как раз невропатолог. Она спасёт моего лучшего друга! И потом мы всем классом напишем ей благодарность! И она сразу поверит в свои силы... Тут всё будет честно и благородно!

После уроков я попросил Антона остаться в классе.

— Будет серьёзный разговор, — сказал я.

— Что-нибудь случилось? — участливо спросил мой друг.

— Ещё не случилось. Но скоро случится! Я придумал, как помочь твоей матери.

— Маме?..

Я знал, что Антон будет отказываться от моего плана, и решил призвать на помощь его маму.

Антон сидел на нашей «аварийной» парте, а я — за учительским столиком. С этого места, решил я, мои фразы будут звучать убедительнее. Антон волновался: корни его волос начали постепенно окрашиваться в розовый цвет.

[Сергей уговаривает Антона лечиться у Нины Георгиевны от застенчивости.]

Кажется, я вновь поступал не совсем «чётко».

«Но ведь Антон действительно может выздороветь! — подбадривал я себя. Значит, всё честно и благородно! Важно только, чтобы Нина Георгиевна согласилась...»

— Я к вам по важному делу! — сказал я ей, словно извиняясь за свой приход.

На эту фразу она не обратила внимания: даже не поинтересовалась, по какому именно делу. А войдя в комнату, спросила:

— Ты прямо из школы?

— Я заходил домой.

— Но, может быть, хочешь обедать?

— Я пообедал... в кафе. — И зачем-то добавил: —

Честное слово!

— В кафе? — удивилась она. — Ты что же, остался совсем один?

— Нет, с бабушкой.

— С маминой мамой?

Я кивнул... Ни до того, ни потом мы с ней ни разу не упоминали о маме. Словно это было запретной темой. Ни разу и никогда...

Помню, в тот миг мне неожиданно захотелось, чтобы и об отце мы с ней больше не разговаривали. Я решил напоследок выяснить то, что меня волновало: расшифровать те непонятные строчки в её письме. И ещё мне хотелось, быть может, немного оттянуть разговор о своём деле.

— Нина Георгиевна, — сказал я, — вы писали, что отец может не захотеть к вам прийти, «как это уже было однажды».

— Ты выучил письмо наизусть?

— Нет... Я просто запомнил эти слова. Вы когда-нибудь раньше ему писали?

Она долго молчала, будто не решаясь ответить на мой вопрос. А потом стала вслух размышлять:

— Если Сергей пришёл бы тогда? Может быть, с Шуриком всё было бы иначе?.. Вряд ли, конечно. Но мне так казалось. Это было, когда Шурик учился в четвёртом классе. Я помню тот день, двенадцатого февраля. Одноклассники устроили Шурику «тёмную». Я не стала допытываться за что. Ему было обидно. И он очень хотел отомстить! Мы ужинали вот за этим столом... Он выдал мне тайны своих приятелей. Смешные, конечно, тайны, мальчишечьи. Но он был уверен, что это «страшные тайны». И рассказывал о них шёпотом. Оглядывался по сторонам... Он хотел, чтобы я донесла директору и его приятелей наказали. Я уже тогда работала в школе и дружила с директором. Сейчас его уже нет, он умер... Я отказалась, а Шурик кричал, требовал, разрыдался. Мне стало немного страшно... Я не смогла объяснить ему, не смогла убедить. И решила, что ему нужен сильный мужской разговор. Не с директором, не с учителем, а просто со старшим, но только с мужчиной. Я написала Сергею. Больше мне некому было писать. Я всё ему объяснила. Но он не пришёл... Думаю, он заботился обо мне: боялся, что я буду вновь, как он говорит, «растравлять» себя. Это можно понять.

Конечно, отец счёл неразумным приходить в этот дом.

А может быть, и нечестным перед мамой, перед мною.

А честен ли я перед нашей семьёй, приходя сюда?.. Я не мог ответить на этот вопрос.

Я видел отца и Шурика — на стене, очень близко перед собой. Они были рядом. Может быть, и в отце сидит тот самый стержень, о котором рассказывал Шурик? Эти мысли были мне неприятны. Я быстро прогнал их.

И подумал совсем о другом, о приятном: рассказать тайну о близком человеке можно только другому близкому человеку или, по крайней мере, тому, кому доверяешь. Может быть, Нина Георгиевна стала мне доверять?..

— Ты только об этом хотел узнать? — спросила она. — Это и есть твоё важное дело?

— Нет! Что вы! Что вы! — заторопился я. — Совсем другое... Мой школьный товарищ Антон нуждается в срочном лечении. Как раз у невропатолога! Он очень застенчивый, скромный такой... Заикается даже. И всё время хватает тройки. Хотя всё знает! Знает, а у доски стоит и молчит. Представляете? Не может ответить! А мать его говорит, что утопится, если из него ничего не выйдет. Он очень хороший парень! Скромный такой... Если бы вы могли его вылечить! Я об этом хотел сказать...

Рассказывая об Антоне, я вскочил со стула. Она тоже встала и подошла ко мне совсем близко. Но не для того, чтобы разглядеть меня пристально, как это делают близорукие люди. Мне казалось, она подошла так близко, чтобы я услышал её, потому что она заговорила вдруг совсем тихо, почти шёпотом:

— Чтобы уйти от человека... — она кивнула не то на отца, не то на Шурика — на стене они были рядом. — Чтобы уйти от человека, надо иногда придумывать ложные причины. Потому что истинные

бывают слишком жестоки. Но чтоб прийти, ничего не нужно придумывать. Надо просто прийти, и всё...

— Что вы! Что вы! Антон действительно очень нервный. Я хочу, чтобы он вылечился. Не верите? Честное слово!

— Это само собой, — тихо сказала она. — Мы постараемся вылечить...

Прошло три с половиной года.

Ни разу не сказал я дома, что знаю её. А она ни разу и не спросила, говорю ли я о ней и что говорю... Она не вошла в наш дом даже воспоминанием: я боялся что-то разрушить, боялся обидеть маму. Мама была счастлива, и я дорожил этим счастьем. Я готов был сам сделать всё, что нужно было Нине Георгиевне. За отца, вместо отца...

По велению долга? Так было вначале, но не потом... «Веление» — яркое слово, гораздо красивей, чем «принуждение», но смысл их почти одинаков. Быть может, потребность стать чьим-то защитником, избавителем пришла ко мне первым зовом мужской взрослости. Нельзя забыть того первого человека, который стал нуждаться в тебе.

И вот недавно, месяцев шесть назад, мы переехали в другой город: поближе к объектам, которые проектировали отец и мама. Прощаясь с Ниной Георгиевной, я обещал ей, что каждый год летом буду к ней приезжать. Желая утешить человека, порой обещаешь ему то, что потом невозможно выполнить. Или почти невозможно... Уезжая, я не знал ещё своего нового адреса, и мы договорились, что Нина Георгиевна будет писать на главный почтамт, до востребования.

А зимой отец сказал, что свои летние каникулы я проведу вместе с ним и с мамой: мы отправимся на юг, на Кавказ, к Чёрному морю.

— Это твоё последнее лето, — сказал отец. — В будущем году ты должен поступить в институт. Надо набраться сил, закалить организм!

«Последнее лето» — эти слова стали повторяться у нас дома так часто, что мне начало казаться, будто до следующего лета я просто не доживу.

«Путешествуйте летом по рекам!» — долгие годы убеждала меня красавица, вырезанная из журнала. И отец говорил, что она совершенно права, что нет ничего разумнее отдыха на реке. Сейчас он уверял меня, что нет ничего полезней горного воздуха, солнечных ванн и морских купаний.

— Мы полетим на самолёте, — сказал отец. — Чтобы в своё последнее лето ты испытал все удовольствия.

Удовольствия я любил. К тому же я никогда не купался в море и не летал по воздуху. Последнее лето обещало быть очень счастливым, я ждал его с нетерпением.

Неделю назад отец купил три билета на самолёт. А сегодня я получил письмо до востребования.

«Жду тебя. На всё лето взяла отпуск. Не поехала со своими ребятами в пионерлагерь: жду тебя! Но если ты не приедешь, я не обижусь. У тебя могут быть другие дела и планы. Это можно понять».

«Поеду к ней в январе, — решил я. — Тоже будут каникулы...»

Я написал ей письмо. Я объяснил, что правильное приехать именно в январе, потому что зимой я не смогу отдохнуть на море, а северный город, в котором я жил столько лет, зимой ещё лучше, чем

летом: можно кататься на лыжах. Я писал, что в пионерлагере она будет на воздухе и отдохнёт, а в городе летом пыльно...

Я прочитал письмо — и не смог заклеить конверт. Это было чужое письмо, не моё: длинное, обстоятельное, без помарок.

Нет, я должен быть у неё в тот день, когда обещал, когда она ждёт меня. Или вообще не приезжать никогда.

Я не могу стать её третьей потерей... И сейчас еду сдавать свой билет.

Дома я сказал, что очень хочу повидать бабушку и Антона которые остались там, в городе моего детства. Я и правда по ним соскучился. Но еду я к Нине Георгиевне. Я не буду давать телеграмму: я приеду и открою двери ключами, которые до сих пор у меня. Теми самыми, которые бросил Шурик. Она об этом не знает. Пусть не одни только печальные сюрпризы являются в её дом.

Мама не возражает: ей приятно, что я так стремлюсь к своей бабушке, к её маме. Кажется, всё опять выходит не очень «чётко».

А с отцом я сегодня поссорился. Первый раз в жизни. Он сказал, что поездка моя неразумна, что бабушке и Антону надо просто послать письмо, что можно потом пригласить их в гости. Отец сказал, что я разрушаю планы семьи, что я вырос бескрылым, раз отказываюсь от гор, от высот, от полёта...

И всё-таки я еду сдавать билет.

Отец привёл слова, кажется, вычитанные в книге: «Жизнь человека — это маршрут от станции Рождение до станции Смерть со многими остановками и событиями в дороге. Надо совершить этот

маршрут, не сбиваясь с пути и не выходя из графика».

А я подумал о том, что ведь есть самолёты и поезда, которые совершают маршруты вне графика и вне расписания.

Это самолёты и поезда особого назначения (как раз самые важные!): они помогают, они спасают... Я не сказал об этом отцу. Но я еду сдавать билет.

1966

1. От чьего лица ведётся повествование в произведении? Какими чертами обладает герой? Сколько ему лет? С какими недетскими проблемами ему пришлось столкнуться?
2. Расскажите о бабушке Сергея. Какое влияние она оказала на становление характера мальчика? В чём похожи эти герои? Рассмотрите иллюстрацию, размещённую в тексте. Найдите этот эпизод в тексте повести. Что и почему изменил художник на своей иллюстрации?
3. Как в повести о мальчике из образцовой семьи появляется Нина Георгиевна? Чем она не похожа на остальных? Почему она могла понять каждого человека? Расскажите о двух потерях Нины Георгиевны. Что даёт силы ей жить дальше в каждой из ситуаций? Почему Сергей не захотел стать её третьей потерей?
4. Составьте план для сравнительной характеристики Шурика и Сергея. Что у них общего и чем различаются герои? Почему они сделали разный выбор в отношении Нины Георгиевны?
5. Какой приём автор использовал в заглавии? В чём смысл названия повести?
6. Выпишите из повести афоризмы. Какую роль в повествовании они играют? Найдите похожие мысли у других писателей — классиков и современников.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ 1900—1944

Ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком. ...не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

А. де Сент-Экзюпери

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Он родился в Лионе, в семье графа де Сент-Экзюпери, страхового инспектора. Мальчик рано лишился отца и рос под духовным влиянием матери. В детстве он был мечтателем, сочинял стихи, рисовал, учился играть на скрипке, но увлекался и техникой, машинами. В двенадцать лет ему

посчастливилось впервые полететь — его взял с собой в воздух известный тогда французский пилот Ведриг. И это решило судьбу Антуана. Некоторое время юноша ещё колебался между архитектурой и авиацией, но, призванный в армию, окончательно выбрал свою дорогу: в небо.

Он был пилотом, был начальником французского аэродрома в Испанском Марокко, потом — директором воздушных линий компании «Аэропоста-Аргентина». На ещё несовершенных машинах Экзюпери овладевал техникой ночного полёта, учился водить гидросамолёт, прокладывал новые трассы. Он летал над Кордильерами и над Сахарой, не однажды разбивал самолёт, рискуя жизнью, летел на помощь товарищу. Он всегда чувствовал себя в ответе за людей и перед людьми. И чем чаще смотрел он в лицо смерти, тем больше любил жизнь.

После многих ранений и аварий он был признан негодным для службы в авиации, но в годы Второй мировой войны вернулся на самолёт и воевал, пока Францию захватил враг. Экзюпери эмигрировал в Америку, но ещё раз добился права сражаться. Уже немолодой, израненный и искалеченный до того, что не мог без помощи натянуть комбинезон и забраться в кабину, он ещё мог вести машину и стрелять. 31 июля 1944 года Экзюпери отправился в полёт и не вернулся.

Незадолго до своей гибели он написал небольшую, совсем не похожую на другие книжку-сказку «Маленький принц» и сам её иллюстрировал. Сказка эта мудрая и человечная, и автор её не только поэт, но и философ. Просто и проникновенно... говорит он о самом важном. О долге и верности. О дружбе и любви, о горячей, деятельной любви к

жизни и к людям. О нетерпимости к злу. И о том, каким же быть человеку на этой ещё не очень-то устроенной, подчас недоброй, но любимой и единственной нашей планете Земля.

*По Норе Галь, переводчику с французского
сказки «Маленький принц»*

1. Чем необычна судьба А. де Сент-Экзюпери?
2. Какими талантами обладал А. де Сент-Экзюпери? Подумайте, как их сочетание могло отразиться в его произведениях.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

С рисунками автора
(В сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту,
когда он был маленьким

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя. <...>

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше. <...>

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка!
- А?..
- Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой

мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что я не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи.

И очень изумился, когда малыш воскликнул:
— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался.

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорее разобрать мотор — и нацарапал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом обронённых слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. <...>

И я попытался разузнать больше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

— Это не имеет значения, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

— Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

IV

Так я сделал ещё одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют ещё сотни других и среди них такие маленькие, что их даже в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он даёт ей не имя, а просто номер. Например: «астероид 3251».

У меня есть серьёзные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая

называется «астероид В 612». Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своём замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а всё потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые! <...>

Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что они узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», — они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом. Он стоит сто тысяч франков», — и тогда они восклицают: «Какая красота!»

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательство, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует», — если им сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышлёного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид В 612», — это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые! Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеёмся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть, как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

«Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...» Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу увидели бы, что это всё чистая правда.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книгу читали просто ради забавы. Сердце моё больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нём говорить. Прошло уже шесть лет с тех пор, как он вместе со своим барашком покинул меня. И я пытаюсь рассказать о нём для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого есть друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Вот ещё и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто — в моём возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал, что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. <...> Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он её покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда

приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

— Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

— Да, это правда.

— Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

— Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы — не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и если даже он приведёт целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

— Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

— Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

— Это верно. Но для чего тебе, чтобы твой барашек ел маленькие баобабы?

— А как же! — воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах. И мне пришлось порядком поломать голову, пока я не додумался, в чём тут дело.

На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землёй, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тя-

нется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растёт на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать её с корнем, как только её узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... Это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он проникнет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки.

— Тут есть такое твёрдое правило, — сказал мне позднее Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем нетрудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли. <...>

Маленький принц подробно мне всё описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравовучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадёт на астероид, очень велика, — вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. «Де-

ти! — говорю я. — Берегитесь баобабов!» <...>
Быть может, вы спросите: почему в этой книге нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

VI

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвёртого дня, когда ты сказал:

— Я очень люблю закат. Пойдём посмотрим, как заходит солнце.

— Ну, придётся подождать.

— Чего ждать?

— Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

— Мне всё кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планетке тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

— Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

— Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

— Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест всё, что попадётся.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение моё становилось серьёзным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Раз задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпения, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по

нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьёзным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьёзным делом?! <...>

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьёзный! Я человек серьёзный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьёзное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это неважно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьёзнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растёт только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмёт да и съест его и даже не будет знать, что он натворил. И это всё, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой цветок...» Но если барашек съест его, это всё равно как если бы все звёзды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете — на моей планете по имени Земля — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничего не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я плохо понимал, что говорю. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз.

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесённого неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это

какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нём появился бутон. Маленький принц никогда ещё не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, ещё скрытая в стенах своей зелёной комнатки, всё готовилась, всё прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрёпанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всём блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Тайнственные приготовления длились день за днём. И вот наконец однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позёвывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я ещё совсем растрёпанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У неё было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обиженно заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно, — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зёрнышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко могут уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

Ил. Н. Г. Гольц

— Напрасно я её слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И ещё он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать! Под этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелётными птицами.

В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был ещё один потухший вулкан. <...> Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также послед-

Ил. Н. Г. Гольц

ние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернётся. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрёка. Маленький принц был очень удивлён. Он застыл, смущённый и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и неважно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдёт мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Х

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облачённый в пурпур и горноста́й, он восседал на троне — очень простом и всё же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощённо: для них все люди — подданные.

[Усталый Маленький принц хочет присесть где-нибудь, но на планете нет места: всю её покрывает королевская мантия. От усталости он зевнул, но Король говорит, что в его присутствии подданные не имеют права зевать. Он делает ребёнку замечания, учит его придворному этикету и открывает ему тайну своей власти: он повелевает солнцу заходить, когда приходит время заката, и солнце ему повинуется. Король заявляет: «Если я прикажу генералу порхать бабочкой, а он не выполнит приказа, кто будет в этом виноват — я или он? С каждого надо спрашивать то, что он может дать». Король предлагает Маленькому принцу быть у него министром юстиции. Но Маленький принц отказывается и хочет пуститься в путь. Тогда Король, чтобы выглядеть по-царски, назначает его послом.]

ХІ

На второй планете жил честолюбец.

— О, вот и почитатель явился! — воскликнул он, ещё издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

— Добрый день, — сказал Маленький принц. — Какая у вас забавная шляпа.

— Это чтобы раскланиваться, — объяснил честолюбец. — Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

— Вот как? — промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

— Похлопай-ка в ладоши, — сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

«Здесь веселее, чем у старого короля», — подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

— А что надо сделать, чтобы шляпа упала? — спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

— Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? — спросил он Маленького принца.

— А как это — почитать?

— Почитать — значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

— Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

— Ну, доставь мне удовольствие, всё равно восхищайся мною!

— Я восхищаюсь, — сказал Маленький принц, слегка пожав плечами, — но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолобца.

«Право же, взрослые — очень странные люди», — простодушно подумал он, пускаясь в путь.

[Глава XII опущена.]

ХIII

Четвёртая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

— Добрый день, — сказал ему Маленький принц. — Ваша папироса погасла.

— Три да два — пять. Пять да семь — двенадцать. Двенадцать да три — пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь — двадцать два. Двадцать два да шесть — двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять — тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

— Пятьсот миллионов чего?

— А? Ты ещё здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьёзный, мне не до болтовни! Два да пять — семь...

— Пятьсот миллионов чего? — повторил Маленький принц: спросив о чём-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

— Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за всё время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в

сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьёзный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

— Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

— Пятьсот миллионов этих маленьких штук, которые иногда видны в воздухе.

— Это что же, мухи?

— Да нет же, такие маленькие, блестящие.

— Пчёлы?

— Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьёзный. Мне мечтать некогда.

— А, звёзды?

— Вот-вот. Звёзды.

— Пятьсот миллионов звёзд? И что же ты с ними делаешь?

— Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьёзный, я люблю точность.

— Так что же ты делаешь со всеми этими звёздами?

— Что делаю?

— Да.

— Ничего не делаю. Я ими владею.

— Владеешь звёздами?

— Да.

— Но я уже видел короля, который...

— Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.

— А для чего тебе владеть звёздами?

— Чтоб быть богатым.
— А для чего быть богатым?
— Чтобы покупать ещё новые звёзды, если их кто-нибудь откроет. <...>

— И что же ты с ними делаешь?
— Распоряжаюсь ими, — ответил делец. — Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьёзный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

— Если у меня есть шёлковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, — сказал он. — Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звёзды!

— Нет, но я могу положить их в банк.

— Как это?

— А так: пишу на бумажке, сколько у меня звёзд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

— И всё?

— Этого довольно.

«Забавно! — подумал Маленький принц. — И даже поэтично. Но не так уж это серьёзно».

Что серьёзно, а что не серьёзно — это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

— У меня есть цветок, — сказал он, — и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звёздам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашёлся, что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», — простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось, что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается ещё одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почти-точно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил свой фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик. — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

— А зачем же ты опять его зажёл?

Ил. Н. Г. Гольц

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик. —

Уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утёр пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался ещё день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

— А потом уговор переменялся?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от году возвращается всё быстрее, а уговор остаётся прежним.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?!

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему всё больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

— Послушай, — сказал он фонарщику. — Я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

— Мне всё время хочется отдыхать, — сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и всё-таки ленивым.

— Твоя планетка такая маленькая, — продолжал принц, — ты можешь обойти её в три шага. И тебе просто нужно идти с такой скоростью, чтобы всё время оставаться на солнце. Когда тебе захочется отдохнуть, ты просто всё иди, иди... и день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

— Ну, от этого мне мало толку, — сказал фонарщик. — Больше всего на свете я люблю спать.

— Тогда плохо твоё дело, — посочувствовал Маленький принц.

— Плохо моё дело, — подтвердил фонарщик. — Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и делец. А между тем из них всех только он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот с кем я мог бы подружиться, — подумал он ещё. — Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел признаться себе в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке ещё по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

XV

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстые книги.

— Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! — воскликнул он, заметив Маленького принца. <...>

— Что это за огромная книга? — спросил Маленький принц. — Что вы здесь делаете?

— Я — географ, — ответил старик.

— А что такое географ?

— Это учёный, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

— Как интересно! — сказал Маленький принц. — Вот это — настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда ещё он не видел такой величественной планеты.

— Ваша планета очень красивая, — сказал он. — А океаны у вас есть?

— Этого я не знаю, — сказал географ.

— О-о, — разочарованно протянул Маленький принц. — А горы есть?

— Не знаю, — повторил географ.

— А города, реки, пустыни?

— И этого я тоже не знаю.

— Но ведь вы географ!

— Вот именно, — сказал старик. — Я географ, а не путешественник. Мне ужасно не хватает путеше-

Ил. Н. Г. Гольц

ственников. Ведь не географы ведут счёт городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ — слишком важное лицо, ему некогда разглагольствовать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. <...>

— Я слушаю тебя, — сказал географ.

— Ну, у меня там не так уж интересно, — промолвил Маленький принц. — У меня всё очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться!

— Да, всё может случиться, — подтвердил географ.

— Потом у меня есть цветок.

— Цветы мы не отмечаем, — сказал географ.

— Почему?! Это ведь самое красивое!

— Потому что цветы эфемерны. <...>

— Но что же значит — эфемерный? <...>

— Это значит: «Тот, что должен скоро исчезнуть».

— И мой цветок должен скоро исчезнуть?

— Разумеется.

«Моя краса и радость недолговечна, — сказал себе Маленький принц, — и ей нечем защищаться от мира, у неё только и есть что четыре шипа. А я бросил её, и она осталась на моей планете совсем одна!»

Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но тут же мужество вернулось к нему.

— Куда вы посоветуете мне отправиться? — спросил он географа.

— Посети планету Земля, — отвечал географ. — У неё неплохая репутация...

И Маленький принц пустился в путь, но мысли его были о покинутом цветке.

XVI—XVII

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля.

Земля — планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, разумеется, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не было изобретено электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек. <...> Люди занимают на Земле не так уж много места. <...>

Взрослые вам, конечно, не поверят. <...> А вы посоветуйте им сделать точный расчёт. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте времени на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите.

Итак, попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-нибудь другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер, — сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер, — ответила змея.

— На какую это планету я попал?

— На Землю, — сказала змея. — В Африку.

— Вот как. А разве на Земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живёт.

Но Земля большая. <...>

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц. — В пустыне всё-таки одиноко...

— Среди людей тоже одиноко, — заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на неё.

— Странное ты существо, — сказал он. — Не толще пальца...

— Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, — возразила змея.

Маленький принц улыбнулся.

— Ну разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

— Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, — сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

— Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, — сказала она. — Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

— Мне жаль тебя, — продолжала змея. — Ты так слаб на этой Земле, жёсткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

— Я прекрасно понял, — сказал Маленький принц. — Но почему ты всё время говоришь загадками?

— Я решаю все загадки, — сказала змея.

И оба умолкли.

[Главы XVIII, XIX опущены.]

XX

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день, — сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день, — отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, поражённый.

— Мы — розы, — отвечали розы.

— Вот как... — промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела это! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала бы вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, — ведь иначе она и вправду умерла бы, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лёг в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис. <...>

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручён.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты не здешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручать? <...>

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает привязывать к себе.

— Привязывать?

— Вот именно, — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Была одна роза... наверно, она меня приручила... <...>

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живётся мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь под землю. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне

не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не напоминают. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад, — отвечал Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне ещё надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём ты будешь садиться немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришёл на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время,

я не знаю, к какому часу готовить своё сердце...
Нужно соблюдать обряды. <...>

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе, — вздохнул Лис.

— Ты сам виноват, — сказал Маленький принц. — Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно, — сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет, — возразил Лис, — мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

— Поди взгляни ещё раз на розы. Ты поймёшь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернёшься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошёл взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу, — сказал он им. — Вы ещё ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это её, а не вас я поливал каждый день. Её, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Её загораживал ширмой,

оберегая от ветра. Для неё убивал гусениц, только двух или трёх оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она — моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

— Потому, что я отдавал ей всю душу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

[Главы XXII, XXIII опущены.]

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию. <...>

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — всё, что ты рассказываешь, очень интересно, но я ещё не починил свой самолёт, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику. <...>

Но Маленький принц посмотрел на меня и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... Пойдём поищем колодец... <...>

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звёзды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне всё вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звёзды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещённый луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И всё же в тишине что-то светится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражён, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нём запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своём он скрывал тайну...

Ил. Н. Г. Гольц

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звёзды или пустыня, самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошёл дальше. Я был взволнован. Мне казалось, я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что

ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: всё это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе ещё: «Трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нём, словно пламя светильника, даже когда он спит...» И я понял, что он ещё более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шёл... и на рассвете дошёл до колодца.

XXV

<...>

— Как странно, — сказал я Маленькому принцу, — тут всё приготовлено: и вóрот, и ведро, и верёвка...

Он засмеялся, тронул верёвку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц. — Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

— Я сам достану воды, — сказал я, — тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надёжно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня ещё отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре ещё дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды, — промолвил Маленький принц. — Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднёс ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звёздами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на ёлке, пеньем органа в час полночной мессы¹, ласковыми улыбками.

— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мёд. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

¹ *Месса* — главное богослужение в католической церкви.

— Ты должен сдержать слово, — мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок. <...>

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

— Знаешь, — сказал он, — завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Всё-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел ещё сильнее. <...>

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даёшь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалёку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и ещё издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И слышал его голос. <...>

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце моё сжалось, но я всё ещё не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась жёлтая змейка из тех, чей укус убивает в полминуты. <...>

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями? <...>

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь всё это — и змея, и свидание со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего не увидишь глазами... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звёзды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была, как музыка, а всё из-за ворота и верёвки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звёзды. Моя звезда очень маленькая, я не могу её тебе показать. Так

лучше. Она будет для тебя просто — одна из звёзд. И ты полюбишь смотреть на звёзды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеёшься!

— Вот это и есть мой подарок... Это будет, как с водой...

— Как так? <...>

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звёзды смеются. У тебя будут звёзды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. <...> И твои друзья станут удивляться, что ты смеёшься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звёзды!» И они подумают, что ты сошёл с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звёзд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

И он опять засмеялся. Потом снова стал серьёзен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо. <...>

В эту ночь я не заметил, как он ушёл. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шёл быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идёшь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Моё тело слишком тяжёлое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это всё равно что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но всё-таки сделал ещё одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звёзды. И все звёзды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...
<...>

Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за неё в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У неё только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну, вот и всё...

Помедлил ещё минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно жёлтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Тяжело было у меня на душе, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И всё же понемногу я утешился. То есть... не совсем. Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь когда рассвело, я не нашёл на песке его тела. Оно было не такое уж тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды.словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звёзды тихонько смеются.

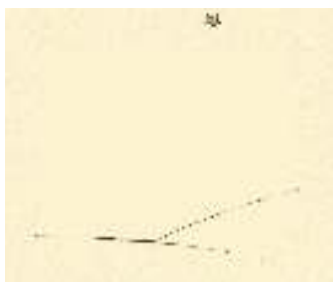
А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... Тогда всё может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Всё это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не всё равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или её уже нет? Вдруг барашек её съел?» И вы увидите: всё станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймёт, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. <...> Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательно, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадёте в Африку, в пустыню. Если вам случится проезжать тут, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдёт маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

1. Как повлияло знакомство с биографией Экзюпери на ваше восприятие сказки? Что вы ожидали встретить в ней? Оправдались ли ваши ожидания?
2. Как вы поняли посвящение в начале сказки? Почему в сказке постоянно говорится о «странных взрослых»? В чём автор видит разницу между

взрослыми и детьми? Почему Экзюпери так ценит детское восприятие мира?

3. Откуда явился на Землю герой сказки и почему он «принц»? Что вы узнали о Маленьком принце из его рассказов о своей планете? Каковы его жизненные правила? Почему Маленький принц и лётчик быстро нашли общий язык и подружились? Был ли Маленький принц счастлив на своей планете? Что изменилось в его жизни с появлением розы?
4. Почему Маленький принц отправился путешествовать? Составьте карту-маршрут его путешествия. Укажите на ней, с кем встретился Маленький принц на других планетах и какие жизненные открытия совершил.
5. Какое впечатление произвела на Маленького принца Земля? Что испытал и понял Маленький принц на Земле? Какие жизненные истины открыл ему Лис? Какие истины он сам открывает лётчику, говоря о родниках в пустыне, о воде, которая «нужна и сердцу», о звёздах?
6. Похоже ли произведение Экзюпери на сказки Андерсена? В чём его своеобразие?
- 7. Почему во всех изданиях «Маленького принца» есть авторские рисунки? Какую роль они играют в произведении? Можно ли их исключить из текста? Сравните, какими видел своих героев Экзюпери и как их представила на иллюстрациях Н. Г. Гольц.
- 8. Составьте устное сочинение «Мой Маленький принц», в котором расскажите о своей встрече и разговоре с героем сказки.

Фантастика. Приключения

В середине XIX — начале XX века в Европе самой популярной литературой становится приключенческая. Эта литература создавалась, чтобы

помочь людям скрыться от серой действительности в необычном мире. Важными особенностями приключенческой литературы являются стремительное развитие сюжета, быстрая смена событий, чёткое разделение персонажей на героев и злодеев, мотив тайны, загадки. В таких книгах сюжеты насыщены похищениями, преследованиями, путешествиями, поисками. Приключенческая литература призвана развлечь, отвлечь человека от повседневных проблем, поэтому такие книги всегда сильно захватывают читателей. Наиболее известными авторами приключенческих романов в зарубежной литературе считаются Ж. Верн, М. Рид, Р. Стивенсон, Дж. Лондон, а в русской — А. С. Грин, В. А. Каверин, А. Н. Толстой и др.

Первая половина XX века ознаменовалась расцветом научной фантастики. Она стремилась «предсказать» развитие науки и техники, в особенности исследований космоса. Действие книг часто перемещалось в будущее, а герои имели дело с новейшими изобретениями, неизведанными явлениями. В них мир управлялся машинами, поддерживались контакты землян с иными цивилизациями, велись межгалактические переговоры или войны.

Родоначальником этого направления в литературе принято считать французского писателя Ж. Верна («Двадцать тысяч лье под водой», «Вокруг света за 100 дней» и др.). Научно-фантастические романы англичанина Г. Уэллса («Машина времени», «Война миров», «Когда Спящий проснётся», «Человек-невидимка») послужили основой для множества подражаний. В русской литературе писателями-фантастами считаются А. Р. Беляев («Человек-амфибия», «Борьба в эфире», «Голова профессора Доуэля»), А. Н. Толстой («Гиперболоид

инженера Гарина», «Аэлита»), И. А. Ефремов («Туманность Андромеды», «Час Быка»). Одним из первых, кто стал писать в жанре научной фантастики для детей и подростков, был Кир Булычёв.

Фантастика — наиболее популярное направление в литературе в наши дни, хотя она существовала ещё в устном народном творчестве как важная часть, например, мифов и сказок. Фантастическая литература очень разнородна. В ней принято выделять *научную фантастику* (А. Кларк «2001: Космическая Одиссея», Р. Д. Брэдбери «Марсианские хроники» и др.) и *фэнтэзи* — жанр, наиболее популярный у современного читателя (Дж. Р. Толкин «Хоббит», «Властелин колец»; К. С. Льюис «Хроники Нарнии» и др.).

1. Как вы думаете, почему фантастику называют «литературой крылатой мечты»?

2. Что объединяет фантастическую и приключенческую литературу? Какие есть различия между ними? Ответ оформите в виде таблицы (время возникновения, темы, особенности сюжета, задачи произведений, фамилии писателей и названия их произведений).

3. Составьте перечень «научных открытий», сделанных писателями-фантастами и в наши дни уже воплощённых в реальность. Найдите также сведения о тех «достижениях», которые пока человечество и научно-технический прогресс воплотить не смогли.

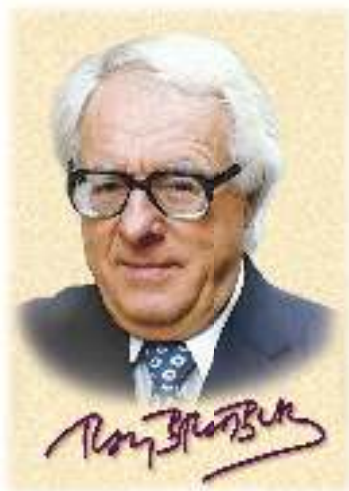
4. Найдите рейтинги популярности фантастической и приключенческой литературы для детей и подростков, составьте список. Узнайте у своих одноклассников и друзей, какие книги из этого списка они читали или хотели бы прочитать. Результаты своего исследования представьте в наглядной форме (диаграмма, таблица и т. п.).

Рэй Дуглас БРЭДБЕРИ

1920—2012

Жюль Верн был моим отцом. Уэллс — мудрым дядюшкой. Эдгар Аллан По приходился мне двоюродным братом... Ну кем я ещё мог стать, как не писателем-фантастом, — в такой-то семейке!

Р. Д. Брэдбери

КОРОЛЬ ФАНТАСТИКИ

Впервые в роли писателя Брэдбери попробовал себя в 12 лет. Его семья была настолько бедна, что покупка следующей книги романа Э. Берроуза «Великий воин Марса» была непозволительной роскошью, и тогда Рэй придумал собственное продолжение к нему. Всего за свою долгую творческую жизнь Брэдбери написал более 800 произведений, мировую известность ему в 1953 году принёс роман «451° по Фаренгейту».

Брэдбери считается родоначальником научной фантастики, хотя он закончил только среднюю школу. Об этом он писал так: «Когда мне было 19 лет, я не мог поступить в колледж: я был из бедной семьи. Денег у нас не было, так что я ходил в библиотеку. Три дня в неделю я читал книги. В 27 лет вместо университета я окончил библиотеку».

1. Объясните, почему Брэдбери стал писателем.
2. Перечитайте эпиграф. Кого из писателей и почему Брэдбери называет «родственниками»? Предположите, исходя из этого, о чём будут произведения «короля фантастики».

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс¹, сплошной парадокс, безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

¹*Парадóкс* — это суждения или ситуации, которые сильно расходятся с общепринятым мнением и кажутся нелогичными.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чьё-то сердце.

Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина¹, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколесной дрезине, на обращённой в две стороны двойной скамейке, защищённые от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развевал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперёд. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время настороженно — что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землей и небом, затормозил и пресёк вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

¹*Дрезина* — тележка для езды по железнодорожным рельсам.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим? Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдали.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало Альто.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег. Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время

озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда поутру блестяли машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свидания», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинай всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов.

Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая

теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть потому, что уже столько лет не любили город и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско. Молчание. Молчание. Молчание.

— Всё, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей?

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку, — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на

свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула.

И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледно. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика.

Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал.

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них, лицо ни просветлевшее,

ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

Он написал наше желание? — думала женщина.

Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?

1963

1. Какие смысловые части можно выделить в рассказе? Составьте его план.
2. Что парадоксально в описании природы, которым начинается рассказ?
3. Почему среди героев рассказа оказались мужчина, женщина и мальчик? Почему у взрослых нет имён? В тексте рассказа есть детали прошлой жизни героев. Подготовьте рассказ о ней от лица одного из героев (по выбору).
4. Понаблюдайте за поведением взрослых. Как они выглядят, каково их душевное состояние? С помощью каких выражений автор передаёт их внутреннее напряжение? Как и почему меняется их отношение к «тридцатилетним каникулам»?
5. В чём особенности финала рассказа? «Я родился счастливым, — говорил Брэдбери, — и с оптимизмом встречаю любое испытание. Не терплю тоски, не выношу людей серьёзных и тех, кто пишет про отчаяние и тоску, но не предлагает никаких путей для спасения». А следует ли этому утверждению писатель в рассказе «Каникулы»?

6. О чём Джим написал в своём послании? Придумайте текст этого письма.

Повторение

Самостоятельно осмыслите ваш читательский опыт, приобретённый за год, ответив на вопросы:

1. С какими новыми фольклорными и литературными жанрами вы познакомились в этом году? Какая связь существует между фольклором и литературой?
2. Что такое художественная литература и в чём её отличие от других видов искусства (живописи, музыки, театра и др.)?
3. Что такое художественный образ?
4. В чём отличие композиции художественного произведения от сюжета?
5. Как объяснить понятие «художественная целостность литературного произведения»?
6. Кто такой романтический герой? Какой романтический герой вам наиболее понравился? Почему?
7. В каких произведениях встречались символы? Что это такое?
8. С какой целью создаются сатирические произведения? Какие из них вам запомнились? Какие средства автор использует для создания комического?
9. Вспомните афоризмы, яркие высказывания из книг русских и зарубежных писателей. Прокомментируйте смысл этих изречений.

10. Вспомните не менее 5 своих любимых произведений разных литературных родов и жанров. Составьте для них карточки-презентации по схеме: автор — год (век) создания — род литературы — жанр — тема — идея. Сыграйте в игру «Узнай произведение», используя заранее подготовленные карточки.

Литературоведческий словарь

Аллего́рия — иносказание, когда под конкретным изображением предмета, человека, явления подразумевается другое понятие.

Аллитера́ция — повторение однородных согласных звуков, придающее литературному тексту особую интонационную выразительность; один из видов звукописи.

Антите́за — художественное противопоставление характеров, обстоятельств, понятий, создающее впечатление резкого контраста.

Афо́ризм — краткое изречение, выражающее значительную, глубокую мысль в оригинальной художественно заострённой форме. Афоризм напоминает пословицу, но в отличие от неё принадлежит определённом лицу (писателю, учёному и др.).

Балла́да — один из жанров лиро-эпической поэзии, сюжетное стихотворение, в основе которого лежит необычный случай, связанный с историческим событием или преданием (обычно героического, легендарного или фантастического характера).

Геро́й литерату́рного произведе́ния (литературный герой) — действующее лицо, персонаж произведения.

Гипе́рбола — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета.

Гро́теск — предельное преувеличение, основанное на причудливом сочетании фантастического и реального, ужасного и смешного; сгущение сатирического изображения явлений, предметов и людей.

Дета́ль — одно из средств создания художественного образа; выразительная подробность в произведении (часть внешнего мира, портрета и т. п.), которая помогает читателю представить и глубже понять не только характер, обстановку, но и в целом произведение, авторское отношение к изображаемому.

Диало́г — разговор двух или нескольких лиц; основная форма раскрытия человеческих характеров в драматическом произведении.

Дра́ма — род литературы, один из трёх наряду с эпосом и лирикой; драматическое произведение, предназначенное

для постановки на сцене, в котором основная мысль раскрывается через диалоги и монологи героев, их поступки и действия.

Драма в узком смысле слова — пьеса с острым конфликтом, однако в отличие от трагедии здесь конфликт более обычен, так или иначе разрешим.

Дума — стихотворение, в котором содержатся размышления автора на философские, исторические или нравственные темы.

Жанр — вид художественного произведения: песня, баллада, поэма, повесть, новелла, комедия и т. д.

Завязка — эпизод литературного произведения, в котором возникает основной конфликт.

Идея — основная мысль произведения.

Инверсия — необычный порядок слов, придающий фразе выразительность.

Интонация — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к тому, о чём он говорит.

Ирония — тонкая, скрытая насмешка. Истинный смысл высказывания как бы замаскирован: говорится противоположное тому, что подразумевается.

Комедия — драматический жанр, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех.

Комическое — смешное в жизни и искусстве.

Композиция — построение художественного произведения.

Конфликт художественный — столкновение, противоборство персонажей или каких-либо сил, лежащее в основе развития действия литературного произведения.

Кульминация — момент наивысшего напряжения действия в произведении, когда особенно ярко выявляются сюжетный конфликт, цели героев и их внутренние качества.

Монолог — развёрнутое высказывание одного лица.

Новелла — близкий к рассказу малый эпический жанр с небольшим количеством действующих лиц, динамичным сюжетом и неожиданным финалом.

Образ художественный — художественное изображение человеческой жизни в предельно конкретной форме, но в то же время несущее в себе обобщение, выражающее эсте-

тический и нравственный идеал писателя (художника), воздействующее на чувства читателя.

Параллелизм — сопоставление двух образов, картин; часто используется в устном народном творчестве.

Пейза́ж — описание природы в художественном произведении, которое помогает понять замысел автора.

Персона́ж — действующее лицо художественного произведения.

Пёсня — небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения; фольклорная песня возникает обычно вместе с мелодией.

По́весть — эпический жанр; по характеру развития действия сложнее рассказа, но менее развёрнута, чем роман.

Поэ́ма — лиро-эпический жанр, обычно крупное стихотворное произведение, состоящее из нескольких частей, в котором объединяются сюжетность и лиричное начало.

Псевдо́ним — вымышленное имя или условный знак, под которым автор публикует своё произведение.

Разв́язка — эпизод литературного произведения, в котором происходит разрешение основного художественного конфликта.

Расска́з — эпический жанр, в котором даётся изображение какого-то эпизода из жизни героя.

Рема́рка — авторское пояснение в драматическом произведении, с помощью которого уточняются место действия, внешние и духовные отличия персонажей, их состояние.

Рэ́плика — фраза собеседника в диалоге, возникающая как отклик на слова партнёра.

Ритм стихотворéния — повторение однородных звуковых особенностей, чередование ударных и безударных слогов.

Ри́фма — звуковые совпадения в конце строк.

Рома́н — эпический жанр, большая форма литературного произведения, в которой описываются жизнь, поступки, конфликты многих героев, история поколений. Для романа характерен разветвлённый сюжет или несколько сюжетных линий, объединённых общим замыслом.

Ромáнс — лирическая песня, как правило, о любви; напевность, мелодичность слов создают неразрывное единство музыки и текста, отдельные строфы связаны повторами.

Романтика — 1) мечтательно-возвышенное умонастроение; 2) характеристика ярких сторон жизни; 3) черта литературного произведения, отражающего возвышенные или героические грани жизни.

Сарказм — едкая, язвительная насмешка.

Сати́ра — беспощадное осмеяние несовершенства мира, человеческих пороков.

Симво́л — слово, условно выражающее суть какого-либо явления.

Строфа́ — часть стихотворения, объединённая в единое целое рифмой, ритмом, содержанием.

Сюже́т — ряд событий, изображённых в произведении в определённой последовательности.

Тема́ — круг событий, явлений, предметов действительности, отражённых в произведении.

Трагедия́ — драматический жанр, который изображает исключительно острые, непримиримые конфликты, чаще всего завершающиеся гибелью героев. Эта борьба обнаруживает возвышенность стремлений и силу характеров действующих лиц.

Фанта́стика — разновидность художественной литературы, в которой создаётся вымышленный мир, причудливые образы и явления.

Фольклóр (устное народное творчество) — произведения искусства слова, созданные неизвестными авторами, бытующие в народной среде в устной форме.

Экспози́ция — эпизоды, предшествующие завязке, возникновению основного конфликта; описание положения действующих лиц до начала действия.

Эпи́граф — яркое изречение, помещаемое автором перед произведением или его частью с целью помочь читателю глубже понять содержание и смысл текста.

Юмор — весёлая, добродушная насмешка над кем-либо или чем-либо.

Список использованных источников

Алексин, А. Г. А тем временем где-то... Поздний ребенок : повести / А. Г. Алексин. — М. : ЭНАС-КНИГА, 2015.

Бродский, И. И. Максим Горький, портрет / И. И. Бродский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Maxim_Gorky_by_Isaak_Brodsky_\(1937,_GTG\).jpeg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Maxim_Gorky_by_Isaak_Brodsky_(1937,_GTG).jpeg).

Брэдбери, Р. Д. Каникулы // Механизмы радости / Р. Д. Брэдбери. — М. : ЭКСМО, 2009.

Верещагин, П. П. Вид Московского кремля / П. П. Верещагин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://artpoisk.info/artist/vereschagin_petr_petrovich_1836/vid_moskovskogo_kremlya/.

Герасимов, С. В. В Бердской слободе / С. В. Герасимов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://berdskasloboda.ru/tag/gerasimov/>.

Грин, А. С. Алые паруса : феерия / А. С. Грин ; худ. А. Л. Дудин. — М. : Современник, 1986.

Кардовский, Д. Н. Ревизор / Д. Н. Кардовский [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://literatura5.narod.ru/gogol1.html>.

Константинов, Ф. Д. Голова Мцыри : гравюра на дереве / Ф. Д. Константинов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://m-y-lermontov.ru/lermontov/item/f00/s00/e0000853/index.shtml>.

Крамской, И. Н. Салтыков-Щедрин М. Е., портрет / И. Н. Крамской [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kramskoj_-_saltykov-schedrin.jpg.

Крамской, И. Н. Толстой Л. Н., портрет / И. Н. Крамской [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Leo_Tolstoy01.jpg.

Кручинина, А. Г. Паустовский К. Г., портрет / А. Г. Кручинина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/3ed1f194-5439-489d-8d20-9ae3191c09f0/%5B17RK_1602%5D_%5B1L_01%5D.html.

Лермонтов, М. Ю. Автопортрет / М. Ю. Лермонтов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/pics/11105-pictures.php?picture=1110501>.

Миниатюра неизвестного художника. Рылеев К. Ф., портрет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Рылеев,_Кондратий_Фёдорович.

Моллер, Ф. А. Гоголь Н. В., портрет / Ф. А. Моллер [Электронный ресурс]. — Режим доступа : [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:N.Gogol_by_F.Moller_\(1848,_Lit.museum\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:N.Gogol_by_F.Moller_(1848,_Lit.museum).jpg).

Паустовский, К. Г. Телеграмма / К. Г. Паустовский. — Киев : Радянська школа, 1984.

Пешель, К. Г. Лесной царь : фрагмент фрески / К. Г. Пешель [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.liveinternet.ru/users/4538230/post305029881/>.

Пчелко, И. И. После бала / И. И. Пчелко [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.literaturus.ru/2015/10/illjustracii-rasskaz-Posle-bala-kartinki-risunki.html>.

Соколов, П. Ф. Жуковский В. А., портрет / П. Ф. Соколов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://petroart.ru/art/s/sokolovP/art3.php>.

Твардовский, А. Т. Василий Тёркин : книга про бойца / А. Т. Твардовский ; худ. О. Г. Верейский. — Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1946.

Твардовский, А. Т. Василий Тёркин : собр. сочинений / А. Т. Твардовский. — М. : Художественная литература, 1966.

Тоидзе, И. М. Песня о Соколе / И. М. Тоидзе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/daf5b172-243d-4820-86e5-7d4c00878c0c/%5BLI8RK_11-01%5D_%5BIL_07%5D.html.

Тропинин, В. А. Пушкин А. С., портрет / В. А. Тропинин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rus-artist.ru/2013-09-04-12-10-37.html>.

Экзюпери, А. де Сент. Планета людей. Маленький принц / А. де Сент-Экзюпери. — Фрунзе, 1982.

Яхнин, Р. М. Грин А. С., портрет / Р. М. Яхнин [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.soyuz.ru/articles/881>.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН	3
Один из создателей русской сатиры	3
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	5
<i>Приёмы сатирического изображения</i>	17
Л. Н. ТОЛСТОЙ	18
Толстой — это целый мир	18
После бала	20
<i>Развитие понятия о композиции. Антитеза в произведении</i>	35

М. ГОРЬКИЙ	37
С мечтой о человеке	37
Песня о Соколе	38
Романтическое произведение. Образ-символ	46
А. С. ГРИН	47
Рыцарь мечты	47
Алые паруса. Феерия (В сокращении)	49
А. Т. ТВАРДОВСКИЙ	88
Путь поэта	88
Как был написан «Василий Тёркин»	90
Василий Тёркин (Главы из поэмы)	91
К. Г. ПАУСТОВСКИЙ	117
Учитель	117
Телеграмма	118
Лиризм прозы К. Г. Паустовского	136
А. Г. АЛЕКСИН	137
«О людях лет тринадцати и о каждом из нас...»	137
А тем временем где-то... (В сокращении)	138

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ	187
Быть человеком	187
Маленький принц (В сокращении)	189
Фантастика. Приключения	234
Р. Д. БРЭДБЕРИ	237
Король фантастики	237
Каникулы	238
Повторение	248
Литературоведческий словарь	249
Список использованных источников	253

(Название и номер учреждения общего среднего образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			

Учебное издание

Захарова Светлана Николаевна
Петровская Людмила Константиновна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 7 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

В двух частях

Часть 2

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко*

Редактор *Т. В. Примачёнок*

Обложка художника *З. П. Болтиковой*

Художественный редактор *Е. П. Протасеня*

Художник *В. А. Протасеня*

Компьютерная вёрстка *И. В. Шутко*

Корректоры *Е. В. Шобик, В. П. Шкредова, Д. Р. Лосик*

Подписано в печать 02.10.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 130 500 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»

Министерства образования Республики Беларусь. Свидетельство
о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/263 от 02.04.2014. Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.

Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск

Правообладатель Национальный институт образования

И. Морилов.
Алые паруса

Нина Маронова
(в замужестве Грин),
образ Ассоль.
Ей посвящена феерия
«Алые паруса»

Сборники рассказов
А. Г. Алексина
разных лет

Е. М. Володькина.
Иллюстрации к повести
«А тем временем где-то...»

С. Г. Бродский.
Ассоль

Музей А. С. Грина
в Феодосии

Первое издание
книги

А. де Сент-Экзюпери
в детстве

Кадры из фильма
«Телеграммы».
Режиссёр
Ю. Б. Шербаков
(1957)

Народный музей
К. Г. Пружинского
в Кузьминках
(Москва)

К. Гайкобе.
Памятник к 100-летию
А. де Сент-Экзюпери
на родине в Ажоне
(Франция)

Консуэло де Сент-Экзюпери,
жена писателя.
Ей посвящен образ Розы
в «Маленьком принце»

И. Г. Глазу.
Маленький принц и Ассоль

И. И. Пчелкин.
Сквозь строй
(иллюстрация к рассказу
А. П. Толстого
«После бала»)

Первый сборник рассказов М. Горького

Имение «Ясная Поляна» А. П. Толстого.
Фото начала XX века

С. Н. Толстой,
родной брат
А. П. Толстого,
прототип
главного героя
рассказа
«После бала»

Кузьяшинов.
Иллюстрация к «Повести о том,
как один мужик двух генералов
прокормил»

О. Г. Верейский.
Василия Теркина

Е. М. Лодыжский.
Песнь о Солдате

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ
И
ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

А. Г. Сергеев.
Памятник в Смоленске

И. А. Бруни.
Гарьин

Прижизненные издания
«Сказок»
М. В. Салтыкова-Щедрина

Издания
«Василия Теркина»
всех лет

